

Ф И О Н А
М А К И Н Т О Ш

*Сюрприз!
На страницах книги
спрятан талисман,
который принесет вам
счастье, благополучие
и любовь.*

О любви

В О З В Р А Щ Е Н И Е
В П Р О В А Н С

Фиона Макинтош

Возвращение в Прованс

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Макинтош Ф.

Возвращение в Прованс / Ф. Макинтош — «Эксмо», 2013

Люк и Лизетта были идеальной парой. Вместе прошли войну, участвовали во французском Сопротивлении и пережили потерю близких людей. Они мечтали о новой и счастливой жизни. Но, увы, их планам не суждено было сбыться. Лизетта погибла, и больше никому защитить Люка от призраков прошлого. Он не знает, как теперь жить дальше. Люк возвращается во Францию, где среди лавандовых полей и пьянящих ароматов цветов живет человек, убивший его сестру. Когда-то он поклялся отомстить за нее и исполнит задуманное. Тогда прошлое, возможно, отпустит его. Память о Лизетте Люк будет хранить вечно, но, как знать, – может, судьба приготовила для него новую встречу. Ведь горем и скорбью нельзя жить вечно.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Макинтош Ф., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фиона Макинтош

Возвращение в Прованс

© Питчер А., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Посвящается Брайсу Куртенэ, учителю и другу, который убедил
меня, что мои рассказы достойны быть записанными.*

Пусть в нашей жизни всегда будут подсолнухи, лето... и истории.

Пролог

Май 1943 года

Надпись над входом гласила: «*ARBEIT MACHT FREI*».

«Да, труд освобождает, и еще как», – с горечью подумала Ракель. Слова звучали издевательством, обещая свободу тем, кто жаждал выжить любой ценой.

Ракель бездумно играла на скрипке, машинально воспроизводя знакомые ноты, но музыка больше не трогала душу, не согревала сердце.

– Веселее! – покрикивали нацистские охранники. – Вальс давай!

Ограниченный репертуар заезженных мелодий повторялся, потому что исполнители в лагерном оркестре надолго не задерживались. Охранники предпочитали бравурные марши: под ритмичную, жизнерадостную музыку гораздо легче пересчитывать заключенных.

Иногда Ракель мечтала бросить гневный вызов своим мучителям, проявить скрытую в ней мятежную искру, но гнев быстро угасал. Любые, даже самые незначительные попытки воспротивиться, хотя и доставляли краткий миг внутреннего удовлетворения, однако приводили к ужасающим результатам и подвергали опасности других заключенных. Мятежников ждала скорая, безжалостная расправа. Розовощекие, гладко выбритые, аккуратно подстриженные охранники презрительно выслушивали объяснения, вершили мнимый суд и непреклонно выносили приговор. Несчастный, ставший жертвой подобного правосудия, прекрасно сознавал, что его ожидает «стена смерти» на задворках барака 11, где приговоренного раздевали догола и убивали выстрелом в упор. Эта участь грозила даже тому, кто, не зная немецкого, замешкался с исполнением приказа охранника. Лагерная роба и грубые деревянные башмаки казенного доставались другим узникам.

Ракель давно забыла и о смехе, и о надежде, но продолжала играть в лагерном оркестре, потому что прикосновение к струнам скрипки по-прежнему служило напоминанием о счастливой жизни. Бесчеловечное обращение вытравляло волю, обесценивало существование заключенных, однако девушка упрямо цеплялась за призрачную, ускользающую иллюзию и презирала себя за то, что со смиренной покорностью сносила грубость, издевки и побои. Она не понимала, как можно настолько забыть о своей человеческой сущности, чтобы наслаждаться страданиями ни в чем не повинных людей. Впрочем, размышлять об этом бессмысленно: главное – прожить еще один день, встретить еще один рассвет.

Оркестр монотонно затянул знаменитую арию из баховской Третьей сюиты ре мажор. Ракель помогла аранжировать произведение для ограниченного состава оркестрантов, и печальные, размеренные звуки скрипки пробудили угасшие чувства в измученной душе девушки. Она забылась, не слыша больше ни натужного кашля, ни фальшивых нот, ни расстроенных инструментов, не видя ни охранников с автоматами, ни оборванных истощенных узников. Из ее груди невольно вырвался всхлип, и Ракель с необычайной ясностью вспомнила, как их привезли в Аушвиц. Под аккомпанемент чарующей музыки девушка еще раз пережила жуткие события кошмарного дня.

Семью Боне перевезли из родного Прованса в транзитный пункт Дранси, неподалеку от Парижа. Из семи человек уцелело пять: Люку удалось скрыться, а бабушка Ида умерла от побоев жандарма. Отец уверял, что так или иначе все образуется, с ними разберутся и выпустят, – или удастся откупиться. К сожалению, Ракель слишком хорошо знала отца. Он изо всех сил утешал жену и дочерей, но смущенно отводил глаза, сам не веря своим словам.

Ракель не представляла себе, с каким рвением немецкие оккупанты готовятся очистить Западную Европу от евреев. Двое суток семья Боне провела в вагоне для скота, стоявшем на путях в ожидании отправки к месту назначения.

– Молчать! – грозно рявкнул охранник, услышав умоляющие крики. – У нас есть грузы поважнее всяких отбросов.

Грустная мелодия продолжала звучать, набирая силу. Ракель вспомнила, как отец растерянно глядел на людей в вагоне, а Сара, ее старшая сестра, пыталась привести в чувство мать, утратившую дар речи.

– Здесь сто двадцать семь человек, – ошеломленно произнес Якоб Боне.

– Пить хочется, – простонала Гитель.

– Потерпи, солнышко, – ответила Ракель, обнимая младшую сестренку. – Мы попросим воды и дадим всем по глоточку, вот увидишь.

В вагоне, раскаленном горячими лучами солнца, стояла удушливая жара.

На третий день у вагона слышались крики и свистки, но для четырнадцати стариков и младенцев было уже слишком поздно. Охранники снизошли к просьбам Якоба и разрешили вынести трупы. Родные и близкие в ужасе смотрели, как погибших бесцеремонно швыряют на платформу. Родителей, отказавшихся расстаться с телом малышки, грубо вытолкнули из вагона, не обращая внимания на истерические рыдания матери.

– Не волнуйтесь, – сказал охранник. – Их отправят следующим поездом.

Прозвучал пронзительный свисток паровоза, и состав тронулся в путь. С перрона донеслись два выстрела.

Несчастные люди всю дорогу стояли в битком набитом товарном вагоне, утратив чувство времени. Изредка кто-нибудь подбирался к окну и пытался определить время суток, но это мало кого интересовало. Пленников не кормили, а для отправления естественных надобностей выдали единственное ведро, которое переполнилось в первый же день. Справлять нужду приходилось на пол, под ноги, где уже покоились еще одиннадцать тел. А сколько прибавится?..

– Вот почему здесь так воняет щелоком, – шепнула Ракель отцу.

Якоб хмуро кивнул и ничего не ответил, стараясь сохранить бодрое расположение духа.

Голда смотрела на окружающих невидящим взглядом, не обращая внимания на слезы младшей дочери. Якоб попросил старших сестер успокоить Гитель. Ракель и Сара, забыв о своих страхах, голоде и усталости, по очереди обнимали девочку, шептали ей сказки и тихонько напевали песенки. Ракель беспокоилась о брате. Люку удалось скрыться от жандармов среди лавандовых полей в горах над Сеньоном. Он наверняка видел, как схватили родных. Сможет ли он их спасти?

Отец запретил дочерям упоминать имя брата, но не стал объяснять причин. Впрочем, девушки не завидовали тому, что Люк остался на свободе. Он был их единственной надеждой на спасение даже в минуты беспросветного отчаяния, когда Ракель хотелось уснуть вечным сном, чтобы избежать грядущего кошмара. Она не верила, что их везут в Польшу, в лагерь для перемещенных лиц, где им предстоит начать новую жизнь, хотя ни с кем не делилась своими подозрениями. Узники жили надеждой, – но у Ракель не осталось иллюзий. Яростное желание отомстить за разбитую жизнь и разрушенную семью придавало девушке сил. «Я выживу назло врагам», – повторяла она про себя.

Поезд неумолимо двигался на восток. С наступлением осени ночи становились холоднее, узники мерзли в вагоне, согреваясь только теплом своих тел. Наконец состав дернулся и замер. От рывка заключенные повалились друг на друга, сбивая с ног соседей, наступая на трупы. Холод пробирал до костей. С неба сыпалась льдистая крупка. С трудом переставляя окоченевшие ноги, Ракель вышла из вагона и помогла спуститься товарищам по несчастью.

«Как давно мы уехали из Парижа?» – отрешенно подумала она.

Резкие порывы ледяного ветра трепали изорванную одежду узников, едва живых от голода и жажды. Охранники, сжимая в руках дубинки, отрывисто выкрикивали приказы, а заключенные покорно повиновались, стараясь угодить своим мучителям. Якоб чуть слышно

велел дочерям опустить головы и послушно следовать всем указаниям. Ракель с трудом удержалась от крика, когда охранник проорал очередную команду.

– Не привлекайте к себе внимания, – чуть слышно шепнул отец дочерям, вынося из вагона бесчувственную Голду.

Ракель схватила за руку испуганную Гитель. Губы девочки побелели, глаза ввалились.

У платформы стоял указатель «Аушвиц-Биркенау». Рельсы обрывались под железной аркой у кирпичного здания с невысокой башенкой.

«Конец пути», – обреченно подумала Ракель.

Солдаты вермахта уверенно вышагивали по платформе, криками заставляли заключенных выстроиться в шеренгу у железнодорожной ramпы.

– *Raus! Schnell! Aussteigen!*¹ – раздавались со всех сторон гортанные приказания.

Эсэсовцы в злобещих черных мундирах вели на поводках рычащих собак и рассеянно похлопывали стеками себя по бедрам.

После мучительного путешествия в товарном вагоне осталось в живых около девяноста человек. Их заставили присоединиться к остальным депортированным, скучившимся у ramпы. Немцы, переговариваясь между собой, упоминали *sonderzüge* – особый состав. Едкий запах гнили, невымытых тел и испражнений обжигал ноздри. Люди опасливо оглядывались по сторонам, жались друг к другу.

После долгой тряски в вагоне Ракель неуверенно переставляла ноги, боясь споткнуться и упасть. Внезапно ей показалось, что среди оборванной, испуганной толпы движется призрачный силуэт, длинным корявым пальцем тычет в людей, обрекая их на скорую смерть.

– Одежду и предметы личного пользования оставьте для дезинфекционной обработки, – заученно повторяли охранники на немецком и плохом французском. – Не забудьте надписать на багаже фамилию.

Еле держась на непослушных ногах, члены семьи Боне отправились сдавать скудные пожитки. Гитель тоненько захныкала. Ракель чувствовала, что ее лишили последней связи с родным домом. Она все еще верила, что, хотя их и насильно вывезли из Франции, здесь, в Польше, им дадут возможность начать новую жизнь, подыскать работу и вернуть себе часть утраченного достоинства, а знакомые вещи, спасенные из руин прежней жизни, помогут освоиться на новом месте.

Очередь двигалась медленно. У ramпы высилась аккуратная гора чемоданов, саквояжей и узлов. Якоб и Сара поддерживали Голду, которая с трудом волочила ноги. Ракель старалась успокоить младшую сестру.

– Потерпи еще чуть-чуть, Гитель. Недолго осталось, скоро отдохнешь.

Охранники отделяли мужчин от женщин и детей. По длинной шеренге депортированных пробежала дрожь ужаса. Немецкий солдат грубо оттащил Голду от мужа, она закричала и забилась в грубые руки. Якоб обреченно глядел на старших дочерей, безмолвно умоляя их позаботиться о матери и четырнадцатилетней сестренке, и посылал жене воздушные поцелуи. Охранник нетерпеливо ткнул его прикладом в грудь. Ракель едва удержалась, чтобы не накинуться на солдата с кулаками. Сотни людей вокруг испытывали такое же отчаяние и беспомощность. Якоб улыбнулся дочерям, стараясь подбодрить их. Сара обняла мать, а Ракель пыталась успокоить младшую сестру. От ужаса Гитель обмочилась и дрожала мелкой дрожью. «Лучше умереть прямо сейчас, спастись от жуткой неизвестности», – обреченно подумала Ракель и тут же укорила себя. Ей вспомнилось, как однажды в школьном спектакле она играла злую ведьму, которая со злобещим смешком произносила: «Чего пожелаешь, то и сбудется».

¹ Пошел! Быстро! Выходи! (нем.) (Здесь и далее – примечания переводчика).

Врач-эсэсовец лениво расхаживал по платформе, равнодушно осматривая заключенных. Он указывал на стариков и детей, на матерей с младенцами на руках, на больных и увечных, и охранники отводили их в сторону. Монстр в белом халате мельком посмотрел на Голду, кивнул солдатам, и женщину оттащили от дочерей. Та же участь постигла Гитель; перепуганная девочка не сообразила, что расстается с сестрами. По щекам Сары текли слезы. Ракель, онемевшая от растерянности, крепко сжала руку старшей сестры. Гитель рванулась к отцу, но колонну мужчин уже гнали к во ротам.

Якоб оглянулся на дочерей, поймал взгляд Ракель и кивнул. В его глазах застыла скорбь. Голда недоуменно озиралась по сторонам, не понимая, что происходит, не слыша охранников, которые грубо толкали ее к остальным узникам. Громадный пес зарычал и рванулся с поводка. Голда и Гитель испуганно вскрикнули и отшатнулись. Коренастая старуха обняла их за плечи натруженными руками и поглядела на сестер.

– Я присмотрю за ними, – сказала она.

Шеренга пленников медленно двинулась по дорожке к воротам лагеря.

Врач внимательно поглядел на Ракель, чуть склонив голову с ровным, будто по линейке, пробормотом.

– Имя?

– Ракель Боне.

– Место рождения?

– Сеньон, Прованс.

– Ближайший город?

Внезапно Ракель поняла, что ее уже включили в какую-то группу узников.

– Апт, – ответила она и, не сдержавшись, спросила: – Куда их ведут?

Эсэсовец недовольно поджал тонкие губы, окинул ее холодным взглядом голубых глаз и махнул рукой в сторону стариков и детей.

– На дезинфекцию, – равнодушно бросил он и, поморщившись, презрительно добавил: – Грязь смыть, чтобы не воняли.

– А нас на дезинфекцию отправят? – вежливо поинтересовалась Ракель. – У моей сестры вши завелись. Вы же врач...

– Меня зовут доктор Йозеф Менгеле. Я здесь недавно, как и вы. – Он подтолкнул Ракель к шеренге узников и поманил к себе Сару. – Вас тоже продезинфицируют. А о волосах можешь не волноваться.

Охранник стволом автомата ткнул Ракель в спину.

– Иди уже!

– Но почему нас... – не унималась Ракель.

– Ш-ш! Не зли его, – зашептала Сара.

Ракель почувствовала ложь задолго до того, как узнала страшную правду. На площади перед рампой еврейский оркестр играл бравурную музыку. Музыканты, одетые в полосатые робы, стояли с безучастными лицами. Ракель беспомощно глядела, как незнакомая старуха увлекает за собой Голду и Гитель. Сара, безудержно рыдая, крепко обняла сестру.

Колонну женщин погнали к воротам, но не в направлении душевых. На платформе высилась груда чемоданов и узлов с пожитками. Теперь вещи казались бесполезными, хотя в пути их очень берегли. Ракель отыскала взглядом свой саквояж, где лежали две книги. Она бы с радостью отдала все, что имела, лишь бы еще раз обнять и поцеловать родителей. С болезненной горечью Ракель осознала, что больше их не увидит, и утратила способность трезво мыслить и рассуждать.

Узников отвели в здание неподалеку и заставили раздеться догола. У Ракель отобрали крошечный золотой медальон на тоненькой цепочке. Сару усадили на табурет, огромными ножницами отстригли завшивленные волосы, а затем грубо обрили голову. Ракель подверг-

лась той же процедуре: тупое лезвие бритвы оцарапало нежную кожу головы, кровь ручейками стекала за уши. Обнаженным, наголо обритым женщинам грубо втерли под мышки вонючий порошок.

Последним, самым горьким унижением стало клеймо, вытатуированное на левой руке каждой пленницы. Ракель поняла, что заключенных больше не считают людьми. Ракель Боне из Сеньона, талантливая скрипачка, дочь и сестра, перестала существовать. Ее сменил шестизначный номер, начинающийся с единицы и оканчивающийся цифрой семь. На руке Сары синела такая же татуировка, оканчивающаяся цифрой восемь.

С тех пор прошло восемь месяцев. Татуированной рукой Ракель покрепче сжала гриф скрипки и продолжила играть. Она подозревала, что родителей и малышку Гитель убили в первый же день, даже не стали тратить на них чернила для клейма. По лагерю ходили слухи, что за женскими бараками расположены тайные «подвалы смерти». Узники украдкой кивали на высокие трубы, непрерывно извергавшие в небо клубы сладковатого черного дыма, и шептали, что там, в печах котельной, сжигают бесчисленные трупы. Ракель так и не дождалась обещанного душа, хотя каждый день в душевые отправляли группу заключенных. Впрочем, оттуда никто не возвращался.

– Сначала газом потравят, потом в топку отправят, – с хриплым смешком сказала одна из узниц, Руфь. За потрескавшимися губами виднелись цинготные, кровоточащие десны и редкие зубы. Она провела в Аушвице почти полтора года. Ракель с ужасом сообразила, что они с Руфью считались долгожительницами. Обычно заключенные в лагере не выдерживали дольше нескольких месяцев, но Руфь была исполнительной работницей, а Ракель играла на скрипке.

Хотя узники считали Руфь сумасшедшей, Ракель ей верила. В лагерной иерархии Руфь занимала привилегированное положение: она охотно отдавалась надзирателям-капо – полякам, попавшим в лагерь за уголовные преступления, – что защищало ее от жестокости лагерного командования. Из разговоров надзирателей Руфь многое узнала, и врать ей было незачем.

Оркестр заиграл еще одно произведение Баха. Ракель водила смычком по струнам, думая о том, с каким рвением нацисты уничтожали в заключенных не только волю к жизни, но и все человеческое. Все существование узников свелось к ожиданию очередной пайки хлеба. Раз в день им разрешалось посещать умывальник и уборную – глубокий и узкий бетонный ров, где заключенные сидели на корточках, плечом к плечу. Руфь говорила, что мужчинам приходится гораздо хуже, но не стала уточнять, как именно. На отправление естественных надобностей отводилось двадцать секунд. Надзирательницы развлекались и громко отсчитывали оставшееся время, зная, что узницы страдают поносами, запорами, дифтерией, тифом и прочими ужасными болезнями.

Ракель волновало только одно: возвращение сестры. Каждый день Сару и других заключенных отправляли на работу. В любую погоду узники, одетые в холщовые лагерные робы, пешком преодолевали шесть километров до фармацевтического завода «Фарбенинудстри», трудились там одиннадцать часов, а потом шли в лагерь, где получали миску жидкого супа из гнилых овощей и пайку черного глинистого хлеба. Утром иногда выдавали горький желудевый кофе. Восемь месяцев Сара держалась, но на этой неделе ей нездоровилось. Причина болезни не имела значения – лечить ее все равно было нечем.

Аушвиц был преддверием смерти. Узники гибли от рук нацистов, от голода, от болезней, от переохлаждения, от измождения, от нервного истощения... Один из эсэсовцев любил практиковаться в стрельбе по движущимся мишеням: он отбирал слабых и немощных и отправлял в ближайший лес, где отстреливал несчастных, заставляя их перебегать от дерева к дереву. Однако самым большим бедствием лагерной жизни были поверки. Заключенных поднимали на рассвете, кормили желудевой баландой и выстраивали на плацу для пересчета. Поверки длились часами, и многие узники падали, не выдержав переохлаждения. Упавших оттаскивали

в сторону и убивали. За опоздание на проверку заключенного расстреливали на месте и жестоко избивали всех обитателей его барака.

Трупы бесцеремонно сваливали у стены одного из корпусов и раз в день вывозили на телегах.

Ракель зябко поежилась, отгоняя кошмарные воспоминания. У ворот лагеря появилась колонна узников, возвращавшихся с работы. Охранник махнул оркестрантам, и те заиграли бравурный марш. В составе оркестра насчитывалось около шестидесяти исполнителей, из них двадцать пять – профессиональные музыканты. Виолончелистка, Мари, едва держалась на ногах, и Ракель подумала, что женщина не доживет до следующего дня. Впрочем, ее волновала только судьба Сары. Ракель чуть повернула голову, высматривая сестру в толпе оборванных, изможденных узников, но заметила, что один из охранников глядит на нее, и заиграла с напускным энтузиазмом. Молодой нацист уже не в первый раз обращал на нее внимание. Она заметила его в тот день, когда оркестру приказали развлекать командование лагеря на ужине в честь прибытия пополнения. Узникам разрешили умыться и привести себя в порядок, насколько позволяли бритые головы, впалые щеки и крайне истощенные тела. Ракель исполнила сольную партию и заметила, как загорелись глаза юноши. Судя по всему, романтически настроенному солдату не нравилось его назначение, и он старался не обращать внимания на ужасы лагерной жизни.

После этого концерта охранник – его звали Альберт – не раз делал Ракель скромные подарки: лишнюю пайку хлеба, брусок мыла, а однажды даже шарф. Ракель отдала шарф сестре. А потом выяснилось, что комендант лагеря, Рудольф Хёсс, ищет учителя музыки для своих детей, и Альберт порекомендовал ему Ракель. Семья Хёссов занимала виллу неподалеку от лагеря, в непосредственной близости от места, где ежедневно умерщвляли тысячи людей.

К ужасу Ракель, комендант одобрил ее кандидатуру. Девушку освободили от лагерных работ, за исключением концертов для лагерного командования, и поручили ей обучать пятерых детей Хёсса нотной грамоте и игре на скрипке и фортепиано. Каждое утро Ракель принимала душ в умывальнике и отправлялась на виллу. Среди изысканной мебели, свежего белья, фруктов и цветов девушка чувствовала себя неловко и смущалась в присутствии нарядно одетых детей. За время пребывания в Аушвице она забыла о привычных красках и запахах жизни. Лагерь насквозь пропитался вонью немытых тел, пота, испражнений, трупной гнили и плесени. Когда Ганс-Рудольф, младший сын Хёсса, протянул Ракель абрикос, у нее к глазам подступили слезы. Она взяла шелковистый плод и украдкой вдохнула полузабытый аромат, напомнивший ей о садах под Сеньоном...

Накусить абрикос она не посмела: сладкий сок на губах наверняка лишил бы ее воли к жизни, сломил бы последние остатки сопротивления.

– Нет, спасибо, – со вздохом сказала она. – Возьми, Ганс-Рудольф.

Мальчик поспешно отвел руки за спину.

– Мама не позволяет прикасаться к тому, что трогали заключенные, – объяснил он.

– Даже к фортепиано? – недоуменно спросила Ракель.

– А клавиши протирают жидкостью из специальной бутылочки. – Он равнодушно пожал плечами и открыл ноты.

Ракель отвела взгляд.

Бритая голова девушки поначалу пугала малышей. Старшая сестра, Ингебритт, смотрела на нее с нескрываемым отвращением, выпросила у матери красную шелковую косынку и заставила Ракель повязать голову. Ракель не посмела отказаться.

– Ну вот, – заявила Ингебритт, – теперь ты уже не такая страхолюдина.

Самая младшая девочка, Хайдитраут, с ужасом разглядывала истощенную учительницу музыки и отказывалась садиться за фортепиано рядом с ней. Хедвиг, жена Хёсса, решила

выдавать Ракель дополнительный ломоть настоящего хлеба – без опилок! – и кусочек сыра, следя, чтобы узница съедала все без остатка. Желудок Ракель, отвыкший от сытной пищи, отказывался принимать еду. В лагере заключенных кормили «супом» из картофельных очисток и гнилых овощей. Хедвиг заставила мужа перевести Ракель на легкую работу на складе, носившем издевательское название «Канада» – страна изобилия. Там хранили и сортировали личное имущество тысяч заключенных, а за отдельную плату – или за особые услуги – можно было добыть все, что угодно: от пары ботинок до новой шали. Руфь охотно расплачивалась с надзирателями своим телом, но Ракель до этого не опускалась.

А сейчас она попала в привилегированное положение... Она презирала себя за то, что так быстро привыкла к теплу камина в музыкальном салоне Хёссов, к чистой воде, налитой в стакан, к сытной пище, к алой косынке, покрывающей голову.

Рудольф Хёсс, недовольный мягким обращением с узницей, однажды попенял жене, но Хедвиг рассудительно заметила, что теперь Ракель не затеряется среди заключенных.

Ракель прибавила в весе, волосы у нее начали отрастать, исчез тяжелый дух немывтого тела и грязь из-под ногтей, глаза блестели. Альберт украдкой приходил на склад, где Ракель сортировала вещи новых узников Аушвица.

Дети держались беззлобно и свысока, фрау Хёсс обращалась с ней ровно. Хедвиг любила своих отпрысков, называла роскошную виллу раем и понятия не имела, какие ужасы творятся за лагерной оградой.

Ракель порой мечтала, чтобы Саре тоже нашлось место в доме Хёссов.

Все изменилось после того, как в лагерь приехал высокопоставленный гестаповец. Его пригласили на обед к коменданту в тот день, когда Ракель разучивала с детьми сложный фортепианный дуэт. Хедвиг вошла в музыкальный салон и прервала занятия.

На пороге показался коротышка в новеньком темно-сером мундире.

– Дети, познакомьтесь с герром фон Шлейгелем, начальником криминальной полиции. Он хочет послушать ваше исполнение.

Дети послушно представились гостю, а Ракель поспешно отступила к стене.

– Добрый день, Клаус и Ингебритт, – поздоровался фон Шлейгель и удивленно уставился на Ракель. – Господи, зачем вы пускаете в дом это отребье?

Хёсс прикурил сигарету и небрежно пояснил:

– Она учит детей музыке. Здесь, в польской глуши, трудно найти хороших преподавателей.

– Как тебя зовут? – спросил фон Шлейгель.

Ракель вопросительно посмотрела на фрау Хёсс. Хедвиг благосклонно кивнула. Девушка потупилась и еле слышно назвала свое имя.

– Дети, а теперь сыграйте дуэт для господина начальника, – оживленно воскликнула Хедвиг и предложила гостю удобное кресло у камина.

Фон Шлейгель, попыхивая сигаретой, оценивающе поглядел на Ракель. Она не отрывала глаз от инструмента и негромко постукивала по крышке, отбивая такт своим ученикам.

Дети без ошибок исполнили дуэт, встали и церемонно поклонились родителям и гостю.

– Превосходно! – заявил фон Шлейгель и захлопал в ладоши. – Вы оба прекрасно играете.

– Это Ракель нас научила, – сказала Ингебритт.

– Да? – удивился гестаповец. – Назови-ка мне свою фамилию, – велел он Ракель.

Девушка стояла потупившись, стараясь не привлекать к себе внимания, и не сразу поняла, что фон Шлейгель обращается к ней.

– Меня зовут Ракель Боне, – неуверенно прошептала она.

Гестаповец с интересом посмотрел на нее и переспросил:

– Боне?

Фрау Хёсс пожала плечами.

– В чем дело? – спросил ее муж.

– Странное совпадение, – ответил фон Шлейгель. – Совсем недавно я ловил еврейского преступника по фамилии Боне.

Ракель не отрывала взгляда от своих деревянных башмаков.

– Да, забавно, – небрежно заметила Хедвиг и предложила: – Если не возражаете, я подам десерт в сад. – Она ласково посмотрела на детей. – Молодцы, милые крошки. Прелестно сыграли. – Обернувшись к гостю, она промолвила: – Такой славный весенний денек! Позвольте показать вам наш сад, там очень мило в это время года. Заодно и сфотографируемся на память.

Комендант лагеря неохотно поднялся и последовал за женой. Фон Шлейгель пристально наблюдал за Ракель.

– Ты откуда родом? – спросил он по-французски.

– С юга, – пролепетала она, не поднимая глаз.

– А точнее?

– Из Люберона, в Провансе.

Гестаповец злобно захохотал.

– Ага! Боне из Сеньона?

Ракель не удержалась и удивленно взглянула на фон Шлейгеля. Начальник криминальной полиции буравил ее поросычьими глазками, в которых светились презрение и злоба.

– Твой брат, Люк Боне, выращивает там лаванду?

Девушка ошеломленно молчала; пересохшее горло сдавило от испуга, по телу пробежала дрожь. Откуда он знает о семье Боне? Чего он добивается?

– Что, боишься, грязная тварь? Герр Хёсс, пожалуй, после обеда нам стоит посетить вашу канцелярию, – заявил фон Шлейгель и вышел вслед за хозяином.

– Да-да, конечно, – поспешно заверил Хёсс.

* * *

Прошло три дня. Ракель больше не отправляли на занятия музыкой с детьми коменданта. С приездом фон Шлейгеля все изменилось: словно призрак, гестаповец ворвался в лагерную жизнь, уничтожил шаткое спокойствие и бесследно исчез.

Ракель продолжала играть, беспокойно высматривая Сару в толпе измученных узников, возвращавшихся с работы. Наконец последние изможденные люди вошли в лагерь, и железные ворота закрылись. Над площадью прокатился гортанный выкрик. Ракель с ужасом распознала приказ строиться для отбора.

Чаще всего этот приказ звучал на утренней поверке: тех, кто был не в силах работать, загоняли в грузовики и куда-то увозили. Лагерное командование предпочитало держать узников в напряжении, поэтому селекционный отбор проводили, когда вздумается коменданту. Впрочем, обитатели концлагеря и без того постоянно жили под страхом смерти. Само их существование уже было вызовом, который они ежедневно и ежечасно бросали в лицо тюремщикам. Истреблению подлежали евреи, цыгане, политзаключенные, гомосексуалисты и все те, кто нарушал извращенные представления Гитлера о совершенстве. Узники противостояли безжалостному нацистскому режиму, преодолевая голод и отчаяние, и с надеждой встречали каждый новый день в аду под названием Аушвиц-Биркенау.

Краем глаза Ракель заметила на плацу серый мундир и крепче сжала гриф скрипки. Начальник криминальной полиции фон Шлейгель семенящей походкой направился к оркестру. Сердце Ракель тревожно забилося. Она поняла, что не доживет до конца дня.

Как ни странно, ее первой мыслью было сожаление о том, что она не съела предложенный абрикос, не таскала еду с виллы Хёссов, не крада вещей со склада, не просила Альберта

об одолжении. Она раздраженно помотала головой, отгоняя преступные мысли: подобные размышления унижали ее достоинство.

Фон Шлейгель неуклонно приближался, указывая то на одного, то на другого заключенного: слабые, больные, увечные работать не могли, а значит, пользы от них не было. Несчастные покорно шли к грузовику, зная, что пробил их смертный час. Отобрав человек тридцать, надзиратель отдал приказ остальным возвращаться в бараки. Ракель облегченно вздохнула – на этот раз пронесло.

Внезапно гестаповец махнул рукой и ледяным голосом произнес:

– Внесите в список Ракель Боне.

Среди оркестрантов послышались изумленные восклицания. Ракель равнодушно посмотрела на фон Шлейгеля, кивнула и передала свою скрипку одному из исполнителей.

– Передайте тому, кто меня заменит, что это превосходный инструмент, – произнесла девушка и, вызываясь вздернув голову с отросшими темными прядями, направилась к грузовику.

– Добрый вечер, – с издевкой сказал гестаповец по-французски. – Надеюсь, ты обрадуешься встрече с сестрой. Она тебя заждалась.

Ракель едва не плюнула в наглую улыбающуюся рожу, но сдержалась, зная, что лучше еще раз увидеться с Сарой, чем получить пулю в лоб. Вместо этого девушка дерзко взглянула в блеклые глаза гестаповца и ответила:

– Живи с оглядкой. Люк Боне обязательно тебя отыщет и перережет тебе горло, как жирному борову на ферме.

Самодовольное выражение сползло с лица фон Шлейгеля.

– Уведите ее, – приказал он и нервно сморгнул. Монокль, поблескивая, выпал из глазницы.

Через несколько минут грузовик остановился у длинного низкого здания. Ракель так и не встретилась с Сарой и с горьким сожалением поняла, что сестры уже нет в живых. Фон Шлейгель наверняка разыскал в канцелярии сведения о семье Боне и избавился от Сары еще утром.

То, что сестры нет рядом, удручало больше, чем неминуемая гибель. Ракель не страшилась смерти, несущей в себе освобождение от страданий, но не могла примириться с невозможностью попрощаться с Сарой. В отчаянии она мысленно взывала к брату, умоляя его отыскать Хорста фон Шлейгеля и убить его во имя погибших родных.

Не обращая внимания на грубые выкрики надзирателей, Ракель неторопливо разделась и аккуратно сложила обтрепанную лагерную робу, накрыв ее алой шелковой косынкой. У девушки отобрали все – украшения, скрипку, одежду, – а теперь фон Шлейгель потребовал у нее жизнь. Она рассеянно подумала о непонятной связи между гестаповцем и Люком: фон Шлейгель потерял самообладание, услышав от Ракель имя брата. Значит, ей удалось запугать хотя бы одного немца... Что ж, теперь она с чистой совестью могла последовать за своими родителями и сестрами.

– Меня зовут Агнес, а тебя? – нерешительно спросила незнакомая девушка.

Ракель ободряюще улыбнулась и назвала свое имя.

– Когда тебя привезли? – продолжила она, заметив, что лагерь не наложил свой отпечаток на Агнес.

– Вчера. Нас всех разделили, я так больше и не видела родителей. У меня хроническая астма, а лекарство осталось у мамы, и теперь я не знаю, как... – Агнес запнулась, с трудом сдерживая слезы.

– Не волнуйся, – оборвала ее Ракель, понимая, что лекарство девушке больше не понадобится.

– Куда нас ведут? – спросила Агнес у надзирателя.

– В душевую, – ответил капо с натянутой улыбкой и кивнул на плакат, прибитый к стене: «Соблюдайте чистоту».

Ракель обняла Агнес за плечи, стараясь поделиться с девушкой самообладанием.

– Поторапливайся! – крикнул надзиратель.

Женщин вывели из раздевалки и направили к двери с надписью «*Desinfi zierte Wasche*».

– Это комната для дезинфекции, – пояснила Ракель своей спутнице и солгала: – Чтобы мы не завшивели.

Вместе с сотнями женщин Агнес шагнула в пустое помещение с цементным полом. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу, дрожа от страха и холода.

Ракель обняла спутницу и шепнула:

– Не бойся, скоро все кончится. Мы будем свободны.

Часть первая

1951 год

Глава 1

Истбурн, апрель 1951 года

Люк любил ранние предрассветные часы, когда бодрствовали только рыбаки. С гряды холмов Саут-Даунс открывался вид на меловой утес Бичи-Хед. У галечного пляжа раскинулся небольшой городок. К пристани возвращались рыбацкие лодки, над которыми кружили шумные, драчливые чайки, стремительно пикируя к волнам за поживой: рыбаки, разбирая улов, выбрасывали за борт рыбью мелочь.

Запах рыбы долетал до берега. Люк всегда различал тончайшие оттенки разнообразных ароматов, и с годами эта способность развивалась. Рыба пахла солью и йодом, примешивался запах очагов, каменного угля и почвы. Если принюхаться, можно было учуять даже дикого кролика, шныряющего по холмам.

Порывы холодного ветра доносили до пляжа резкие крики чаек. Люк раздраженно отвел золотистую прядь со лба, вспомнив о недавней ссоре с женой. Лизетта ни в чем не виновата. Она окунулась в новую жизнь, забыла о горестных утратах, а он все еще цеплялся за прошлое, хотя больше не за что было бороться. В тяжелые минуты он нервно ощупывал шрам на запястье – память о ране, полученной на плато Мон-Муше. Он выжил под бомбежкой и градом пуль там, где полегло столько боевых соратников. Люк часто вспоминал одного из бойцов, отца четверых детей, который до последнего вздоха думал о родных и близких. Имени его Люк не помнил, да и не хотел вспоминать: слишком сильно было чувство самоуничтожения, как будто, покинув Францию, он переложил на чужие плечи страдания и горечь утрат.

Однако Франция пережила войну, восстала из руин. Нацистских преступников схватили, отправили под суд и приговорили к смерти. Солдаты вернулись домой, семьи воссоединились, послевоенная жизнь в Европе налаживалась. Тем не менее, Люка не покидало чувство вины.

Почти семь лет прошло с тех пор, как освободили Париж, и Люк с Лизеттой на борту рыболовецкого судна отплыли из Кале в Гастингс, на южный берег Великобритании. Люку не хотелось покидать родину, но признаться в этом он не мог. Вдобавок, в 1944 году военное командование отозвало Лизетту из Франции, ведь агентам британской разведки по-прежнему грозила опасность попасть в руки нацистов, разъяренных бесконечными поражениями.

Война причинила неизбежные страдания миллионам людей; не избежали этого и Люк с Лизеттой. Смерть Маркуса Килиана – нацистского полковника, завербованного Лизеттой, который, в свою очередь, пленил ее сердце, – тяжелым грузом лежала на совести обоих. Впрочем, Люк с Лизеттой предпочитали об этом не говорить.

Несколько месяцев, до самой капитуляции нацистской Германии, они провели на Оркнейских островах, вдали от шума городов, чтобы время залечило раны военного времени, но Люк тосковал по родине. Ему не хватало жаркого и сухого климата Прованса, горячего летнего ветра, пахнущего лавандой и тимьяном, осеннего аромата оливкового масла и гроздей винограда, бело-розовой кипени весенних садов в родном Сеньоне и запаха свежего хлеба по утрам. Люк мечтал о суровых альпийских хребтах Люберона, о снежной зиме и разноцветном лете, о живописных деревеньках, рассеянных по крутым склонам.

Впрочем, ради своей новой семьи он старался привыкнуть к жизни на побережье, к галечным пляжам, усеянным грудками водорослей, к высоким изысканным домам на набережной. Люку недоставало Прованса, с его буйством красок, разномастных домиков с ярко-синими

и канареечно-желтыми ставнями. На юге Великобритании преобладали дома сдержанных пастельных тонов, с черными чугунными оградами. Теперь Люк с Лизеттой жили в Истбурне, среди строгих элегантных особняков, где люди говорили негромко, а размытый пейзаж покрывала легкая дымка тумана.

Поэтому Люк предпочитал взбираться на уединенные утесы, откуда в хорошую погоду открывался вид через пролив Ла-Манш, на берег Франции.

Над истбурнской пристанью занимался рассвет. Люк поморщился: с приставшей к берегу лодки тянуло чем-то прокисшим. В розовеющем небе темнели тени облаков, а золотисто-оранжевый луч на горизонте указывал на Францию, словно заявляя: «Твое место там».

И все же вернуться на родину Люк не мог, пока не зажили раны в измученной душе. Под бомбами, от пуль врагов и по навету нацистских осведомителей погибли друзья, немцы уничтожили целые деревни и селения, да и родные Люка пропали бесследно. Остался только подарок любимой бабушки – мешочек с семенами лаванды, который Люк берег, как талисман, напоминавший ему об утраченной жизни. Сморщенные, высохшие соцветья до сих пор хранили тонкий аромат Сеньона.

Когда-нибудь, но не сейчас, Люк возвратится в родные места...

Несколько лет назад он узнал о существовании Международной службы розыска, основанной на территории Германии в 1946 году для того, чтобы помочь родственникам выяснить судьбу жертв нацистского режима. Люк связался с этой организацией, получил от них два письма, но вот уже год не слышал больше никаких вестей. Как ни странно, такое молчание утешало и вселяло надежду.

Люк старался не отравлять себе жизнь воспоминаниями о пропавшей семье. Жизнь продолжалась, надо было заботиться о Лизетте и о трехлетнем Гарри. Люк мечтал научить сына французскому, но в послевоенной Великобритании на иностранцев смотрели с подозрением. Лизетта говорила как коренная жительница южной Англии, а Люку пришлось работать над своим произношением, и полностью избавиться от акцента он не смог. Правды о храбром участнике движения французского Сопротивления не знал никто, кроме Лизетты и горстки сотрудников недавно упраздненного британского военного ведомства.

В Министерстве обороны Люку предложили сменить его настоящую фамилию Равенсбург – она звучала слишком по-немецки. Называть себя Боне он больше не хотел, хотя двадцать пять лет с гордостью носил фамилию приемных родителей. Усыновившая его еврейская семья радушно приняла его, делила с ним кров, щедро награждала любовью и лаской, но теперь Люк стремился вернуться к своим истинным корням. Он не считал себя вправе принять фамилию Лизетты, и жена предложила ему назваться сокращенным именем Рэйвенс, которое выглядело вполне по-английски.

Лизетта не отрицала и не оправдывала своих действий по заданию британских разведывательных служб: ей, английской шпионке во Франции, пришлось соблазнить высокопоставленного нацистского военного и вступить с ним в интимную связь. Она согласилась на полтора года переехать в заброшенную деревушку на Оркнейских островах, дожидаясь, пока отрастут ее волосы, обритые толпой разъяренных парижан. По окончании войны Лизетта и Люк вернулись в Суссекс и сыграли свадьбу в местной церкви. Лизетта не хотела уезжать из южной Англии, но Люк не любил больших городов, поэтому ему решили подыскать подходящее занятие на побережье. Однако работать почтальоном в Уортинге или подмастерьем плотника в Рае Люк отказывался, напоминая жене, что у него уже есть специальность: он умеет обрабатывать землю и выращивать лаванду. Лизетта не жаловалась, относилась к этому с пониманием и терпеливо выслушивала отказы мужа. Семья продолжала существовать на средства жены, и это очень угнетало Люка. Он хотел быть добытчиком, своими руками зарабатывать на хлеб; невозможность заниматься любимым делом тяготила Люка.

В один прекрасный день он узнал о позиции смотрителя маяка на мысе Бичи-Хед, и на душе полегчало: безлюдная местность, уединенная работа, рядом с Истбурном, куда когда-то собирались переехать родители Лизетты.

Смотрителю маяка полагалось жилье, но находилось оно на острове Уайт, что Лизетте совсем не нравилось. Она сама готова была по два месяца жить без мужа, но, чтобы не лишать Гарри отцовского присутствия, решено было снять небольшой домик в Мидсе, на западной окраине Истбурна.

– Если прищуриться, то можно представить себе, что мы живем в Провансе, – сказала она мужу, гуляя вдоль утесов. Гарри, вцепившись ладошками в руки родителей, восторженно пинал кустики травы.

Вместо того чтобы согласиться и обнять жену, Люк пробормотал по-французски то, что думал:

– Местность крепко связана с чувствами. Родные места любишь не за красоту, а потому, что прикипел к ним сердцем.

– Ну сколько можно! – обиженно воскликнула Лизетта. – Прекрати, пожалуйста! Ради меня, ради сына... Пойми, ведь теперь это – наш дом.

Справедливое замечание жены внесло еще большее смятение в душу Люка.

На самом деле его недовольство возникло из-за неспособности выполнить данные себе обещания: выяснить судьбу своей приемной семьи, вернуться во Францию, отыскать мальчика Робера и его бабушку, которые спасли Люку жизнь и выходили его после ранения. Сейчас Роберу исполнилось двенадцать. Хотелось верить, что Мари еще жива, иначе мальчик остался бы круглым сиротой. Да, Люк обещал вернуться, но с тех пор прошло уже четыре года.

А еще он обещал расправиться с гестаповцем, заставившим его убить Вольфа Дресслера, человека, которого Люк любил как родного отца.

Самым мучительным невыполненным обещанием оставалось слово, данное бабушке: растить лаванду, пестовать ее волшебные заросли.

– Лаванда спасает жизни, дарует счастье, – напевно говорила Ида.

Возможно, лаванда и спасла им жизнь, однако ее чудодейственная сила исчезла, растворилась в бедствиях войны.

Из всего обещанного Люк исполнил лишь одно: обещание, данное заклтому врагу. Маркус Килиан всегда был для Люка загадкой. Прославленный полковник немецкой армии временно воплощал в себе все то, что ненавидел и чем восхищался Люк. Килиан отдал жизнь, защищая Люка, хотя оба мужчины прекрасно понимали, что на эту жертву полковник пошел ради Лизетты. Килиан ненавидел фашизм, но любил Германию. Он умер как истинный патриот, с именем Лизетты на устах. В судьбоносную ночь освобождения Парижа Люк вполне мог оказаться на месте Килиана.

Перед смертью полковник попросил Люка отправить письмо в Швейцарию, Ильзе Фогель. После войны, в конце 1945 года, дождавшись ослабления цензуры, Люк запечатал окровавленное послание в чистый конверт, добавил от себя короткую записку на французском и наклеил британскую марку. Ответа от Ильзы он не получил.

Иногда Люк задумывался, вспоминает ли Лизетта своего немецкого возлюбленного. Чтобы отогнать от себя ревнивые мысли, он приходил к высокому обрыву, смотрел в морскую даль и давал себе слово непременно сдержать обещания... но не сейчас.

Люк встал, потянулся и облизал губы, соленые от влажного ветра. Солнце уже поднялось из-за горизонта, осветило вершину утеса и заброшенный маяк Бель-Ту – частые туманы и неудачное расположение делали его бесполезным для мореходов. Новый красно-белый маяк построили на островке в океане. Люк работал посменно еще с двумя смотрителями, обеспечивая бесперебойную подачу световых сигналов с интервалом в двадцать секунд. Свет маяка был виден за двадцать пять миль. Сегодня Люк заступил на очередную восьминедельную вахту

и с большой неохотой расстался с Лизеттой и Гарри. Он и так пропустил много важных вех в развитии сына: его первую улыбку, первый зуб, первое слово. Лизетта утверждала, что мальчуган четко произнес «папа».

Больше всего Люку нравилась смена с полуночи до четырех утра, когда было темно, тихо и уединенно. На маяке пахло составом для чистки меди, керосином, смазочным маслом и краской. Три смотрителя жили в стесненных условиях, поэтому к ароматам химикатов добавлялся ядреный запах мужского пота. Смена пролетала незаметно: требовалось заводить часовой механизм, вращающий линзы, проверять состояние горелок и наличие топлива в баках, не давать огню погаснуть. Люк с радостью выполнял любую работу, а раз в три дня, когда ему полагался выходной, спускался с утеса и выходил на галечный пляж, где собирал красивые камешки для Гарри.

Если позволяло время, он переправлялся на лодке к берегу и взбегал по крутой тропинке к дому, где его встречали жена и сын, обрадованные неожиданным приездом. Люк сжимал Лизетту в объятиях, тискал и щекотал Гарри, рассказывал ему сказки. Они проводили вместе восемь часов, а потом Люк бегом мчался на пристань, чтобы вовремя вернуться на маяк.

Лизетте нравилось жить в Истбурне. Она перезнакомилась с соседями, обзавелась подружками, проявляла интерес к любительскому театру, но центром ее жизни оставались муж и сын.

Люк изо всех сил старался превозмочь ностальгию, выбраться из пропасти тоски по родине.

– Давай вернемся во Францию, – предложила однажды Лизетта. – Может, там тебе станет легче.

– Нет, – ответил он. – Гарри привык к Англии.

– Ничего страшного, дети легко адаптируются. Он и так наполовину француз.

– И немец, – резко напомнил Люк.

– Прекрати! – сказала Лизетта, укоризненно глядя на мужа.

Он сокрушенно кивнул, не в силах сдержать обуревающие его чувства.

– Послушай, сейчас есть хорошие психологи, – начала Лизетта. – Тебе не мешает совет специалиста...

– У меня с головой все в порядке, посторонним там делать нечего.

– Согласна, – кивнула Лизетта. – Но тебе же плохо!

– А кому сейчас хорошо? – огрызнулся Люк. – Вой на только что окончилась, столько горя...

– Видишь ли, все стараются с оптимизмом смотреть в будущее, а ты как будто упиваешься своими несчастьями.

– По-твоему, я упиваюсь?

– С утра до вечера, – печально, с укоризной улыбнулась Лизетта. – И с вечера до утра. Ты запрещаешь себе радоваться жизни.

«Запрещаю себе радоваться жизни...» – повторил Люк про себя и внезапно понял, что жена права. Его тоска, его невыполненные обещания тяжким гнетом давили на близких ему людей. Так дальше жить нельзя. Гарри растет, ему нужен отцовский пример. Что ж, переживания переживаниями, но надо что-то предпринять. Люк еще раз взглянул на солнце, встающее над морем. Вдали, у края утеса, на фоне безбрежного водного простора, виднелся чей-то силуэт. Незнакомый мужчина, без пальто и без шарфа, склонился над обрывом, словно высматривая что-то на берегу. Зачем он холодным апрельским утром отправился на прогулку так легко одетым?

«Замерзнет до смерти», – подумал Люк и неожиданно сообразил, что незнакомец и впрямь собирается прыгнуть с обрыва. Люк резко свистнул, стараясь привлечь внимание мужчины, замахал руками и со всех ног бросился ему наперерез. Психологи вряд ли одоб-

рили бы его поступок, но Люк слишком часто боролся с желанием покончить с жизнью и догадывался, что сейчас происходило в душе неизвестного.

– Не подходи! – крикнул незнакомец.

– погоди! – воскликнул Люк, остановился в нескольких шагах от края обрыва, согнулся пополам и тяжело задышал, словно обессилев. На самом деле он старался выиграть время и украдкой рассматривал неизвестного: невысокий, лет тридцати, смуглолицый, с аккуратной короткой стрижкой, в отглаженной белой рубашке и с тщательно повязанным галстуком. На земле неподалеку валялась трость. В глазах мужчины стояли слезы, кончик носа покраснел от холода.

– Оставь меня в покое! – сказал незнакомец.

– Меня зовут Люк.

– Ну и что?

– А тебя как?

– Не скажу.

– Это ты зря. Тебе не мешает представиться.

– Это еще зачем?

– Чтобы я мог назвать твое имя полицейским, когда они приедут выяснять, чьи мозги размазаны внизу по скалам.

– Заткнись! – испуганно воскликнул незнакомец.

Люк скорчил презрительную гримасу и замахал руками, осторожно приближаясь к мужчине.

– Ну, попробуй меня заткнуть! – предложил он.

– Тебя заткнешь, ты вон какой здоровый.

– А ты еще и калека, – заметил Люк, кивая на трость.

– Сволочь! – выкрикнул мужчина.

– Ага, сволочь. Французская сволочь, если на то пошло, – издевательски уточнил Люк.

– Я так и знал, что ты иностранец.

– Неужели? А что, англичанин бы прошел мимо? Из вежливости?

– Да!

– Ошибаешься, не из вежливости, а потому, что струсил бы и решил не вмешиваться. Все вы трусы, – язвительно произнес Люк и незаметно сделал еще один шаг к мужчине.

– Трусы, говоришь? – разгневанно переспросил незнакомец. – Мы фашистам ключи от Лондона не вручали.

Это вы, лягушатники, с распахнутыми объятьями встретили Гитлера, а потом сидели и ждали, пока англичане вас спасут.

Люк, не обращая внимания на оскорбление, внезапно опустился на землю, будто в изнеможении. Он вздохнул и полез в карман за сигаретами. Сам он не курил, но, на всякий случай, носил пачку с собой – так было легче общаться.

– Закурим?

Незнакомец неуверенно кивнул. Люк бросил ему пачку и коробок спичек, одновременно придвинувшись чуть поближе. Мужчина медленно затянулся, дрожа от холода, и произнес:

– Меня зовут Эдди. Ну, Эдвард.

– Почему?

– Потому что так мама назвала, – удивленно пояснил Эдди.

– Нет, почему ты решил покончить с жизнью? – улыбнулся Люк.

Эдди ошарашенно взглянул на собеседника и промолчал.

– Ну, ты же собирался? – уточнил Люк, старательно упирая на прошедшее время.

Эдди кивнул и снова затянулся сигаретой.

– Понимаешь, жена и сын погибли во время бомбежки. Мы жили в Ист-Энде, Вера служила секретаршей в военном ведомстве. Очень ответственная была, моя Вера, ни дня не пропускала. Теща с нами жила, за внуком присматривала. Мы его Гарольдом назвали, в честь моего отца, который погиб на фронте в Первую мировую.

Люк вздрогнул, услышав имя сына. Запахи моря внезапно стали едкими и раздражительными, дымок сигареты завонял мерзкой горечью.

– У Веры был выходной, – задумчиво продолжил Эдди, не замечая напряженного взгляда Люка. – Сосед рассказывал, что они всей семьей в зоопарк собирались, но Гарри приболел, и они остались дома... И погибли. Все трое. Прямое попадание. Соседская семья тоже... – Эдди безрадостно рассмеялся. – А меня на фронте ранило, вот, нога теперь ни к черту. – Он схватил трость и с силой швырнул ее с обрыва. Трость гулко ударилась о валуны на берегу. – Я как домой вернулся, места себе не находил, без Веры-то. А сына я и не видел, ему всего шесть месяцев было. Их всех разорвало на куски, хоронить нечего. Даже на могилку не прийти. Сгинули все, словно их и не было никогда. – Эдди сдавленно всхлипнул.

Люк придвинулся к нему, обнял за плечи и дождался, пока рыдания стихнут.

– Как мне без них жить? – горестно спросил Эдди.

– Думаешь, Вера похвалила бы тебя за такой поступок? Ну, если бы ты с обрыва сиганул? Ты же сам говорил, она была ответственная, работу свою любила, ни дня не пропускала, несмотря на бомбежки. А знаешь почему? Она верила, что помогает тебе воевать, пусть даже самую малость, но помогает. Хотела, чтобы ты с фронта вернулся цел и невредим.

– Цел и невредим? Мне в госпиталь телеграмму прислали, налили стакан бренди и комиссовали по состоянию здоровья, вот и все.

– Но ты вернулся. Остался в живых. Вера только об этом и мечтала. А ты вон что задумал... Ты ведь на фронте выжил, под бомбами, под пулями!

– Ну, одна пуля меня все-таки нашла... – грустно заметил Эдди.

– Подумаешь, нога! Зато ты героем вернулся. Вы с Верой вместе за мир сражались, ради нее ты обязан жить. Работы кругом хватает. Главное – прости себя за то, что выжил, и прости Веру с Гарри за то, что они погибли, – рассудительно произнес Люк, внутренне укоряя себя за лицемерие.

– У меня сил нет, – всхлипнул Эдди.

– Не переживай, силы найдутся. Вспомни о тех, кто не вернулся с войны. Живи за них. Они свою жизнь ради этого отдали. – Совет прозвучал резонно, но сам Люк не мог ему последовать.

– Тебя послушать, так и впрямь выходит, что с жизнью расставаться – трусливый поступок, – заметил Эдди.

– Трусливый и есть. Для того чтобы жить, нужна смелость.

– Да? А я думал, ты сюда за тем же пришел.

– Правда? – ошеломленно спросил Люк.

Эдди пожал плечами.

– Нет, – твердо ответил Люк, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Неужели со стороны он выглядит таким же подавленным, как Эдди? – Нет, что ты! Просто я люблю одиночество.

– Ты не женат?

– Женат, – смущенно признал Люк. – И сын есть.

– Так какого черта ты здесь сидишь? Шел бы домой!

– Ну, я как раз собирался... – потупился Люк.

– Иди уже, – сказал Эдди. – Не волнуйся, я ничего такого не сделаю. – Он неловко поднялся на ноги и протянул Люку руку. – Пойду в паб, выпью рюмочку, согреюсь.

Люк встал и пожал протянутую ладонь.

– Как же ты пойдешь, без трости?

– Ничего, как-нибудь доковыляю. Честное слово, с обрыва прыгать не стану.

– Слушай, а пошли к нам! Что тебе в пабе делать?

Эдди недоуменно взглянул на собеседника.

– Пойдем, накормим тебя вкусным обедом, у меня виски неплохой, жена тебе обрадуется, с моим сыном познакомишься...

– Да? Чтоб я о своих вспомнил? Еще больше расстроюсь, – горько заметил Эдди.

– Что ты! Наоборот, узнаешь, что тебя ждет. Вдобавок, от приглашения француза нельзя отказываться – примета плохая.

– Правда?

– Нет, конечно.

По губам Эдди скользнула тень улыбки.

– А жена не заругает?

– Лизетта? Наоборот, обрадуется, что я приятеля в гости привел.

– Ты ей не говори, как мы познакомились.

– Да уж не скажу.

– Только без трости я до вечера буду отсюда спускаться.

– Лезь ко мне на закорки, – предложил Люк, подставляя спину.

– Ты с ума сошел!

– Ничего подобного, я всю войну по горам раненых таскал. Давай, лезь! А то холодно, да и жена не любит, когда я задерживаюсь.

Эдди нерешительно поглядел на него, потом обхватил Люка за шею, и они направились вниз по склону. Люк шагал уверенно и быстро, радуясь напоминанию о том, как ему повезло в жизни.

На противоположной стороне пролива виднелся далекий берег Франции, и порыв ветра внезапно донес не запах водорослей и рыбы, а тонкий аромат дикой лаванды.

Глава 2

Лизетта стояла у окна, нетерпеливо ожидая возвращения мужа с вахты. Шесть недель назад он ненадолго заскочил домой и привел с собой Эдди. Новый приятель жил в Гастингсе, познакомились они на берегу: Эдди рыбачил, а Люка угораздило запутаться в снастях. Прогрогшие до костей, они ввалились в дом и потребовали овсянки. За разговорами время пролетело незаметно. Эдди помог приготовить обед и, к восторгу Гарри, запускал воздушного змея на заднем дворе. Судя по всему, дружба с Эдди пошла Люку на пользу.

Лизетта надеялась, что муж вернется с маяка в хорошем настроении. Она вглядывалась в даль, высматривая знакомую фигуру Люка в темной форме смотрителя маяка, покрытой пятнами сажи и машинного масла. Люк пробудет дома целый месяц. Лизетта сделала генеральную уборку в доме и приготовила вкусный ужин. Ей очень хотелось порадовать мужа каким-нибудь прованским блюдом, но на юге Англии трудно было найти чеснок и базилик, поэтому она купила на купоны бычьих хвостов и приготовила домашнее жаркое с корнеплодами. К сожалению, в нем не хватало пряностей, но у Лизетты были и другие способы приукрасить скромную жизнь. Из маринованного морского укропа и корнишонов она приготовила вкусный салат, а на десерт испекла французский яблочный пирог с домашним джемом.

Она поглядела на крутую тропку, ведущую к берегу, где Люк любил стоять на высоком утесе, как романтический герой романа Эмили Бронте. В отличие от многих мужчин, он не посещал паб, а предпочитал пешие прогулки через скалистую пустошь. Путь от берега к дому был труден, особенно зимой, но французские партизаны недаром называли Люка лучшим проводником: он успешно вел отряды по самым непроходимым альпийским перевалам. Лизетта улыбнулась, вспомнив, как они с Люком скрывались в горах. Сейчас она вряд ли добровольно перенесла бы такие тяготы и лишения. Материнство изменило ее, придало жизни новый смысл.

Лизетта очень хотела еще одного ребенка, но не готова была растить его в одиночестве. Она собиралась поговорить с Люком о полноценной семейной жизни, однако эта тема требовала деликатного подхода.

Зима выдалась снежная, долгая, весна запаздывала, и Лизетта с нетерпением ждала наступления теплых солнечных дней. Несмотря на мирное время, политическая обстановка в Англии оставалась напряженной. Впрочем, ожидалось, что к концу года Черчилль станет премьер-министром, и ситуация изменится к лучшему.

Основные продукты питания все еще выдавали по карточкам, хотя нормирование понемногу отменяли, в свободной продаже появились консервированные фрукты и печенье, что несколько поднимало настроение. Лизетта привыкла жить скромно, но мечтала о том, чтобы Гарри рос, не ведая лишений, а с лица Люка не сходила радостная улыбка.

Муж по-прежнему что-то скрывал от Лизетты. Она подозревала, что именно эта тайна мешает ему наслаждаться жизнью. Тайна касалась происхождения в Л'Иль-сюр-ла-Сорг, была как-то связана с гестаповцем, фон Шлейгелем. Тот день стал роковым в судьбе Люка и Лизетты, но не объединил, а странным образом разделил их. Лизетта вспомнила, как ее стойкий, храбрый, неsgiбаемый муж сотрясался в безмолвных рыданиях. Люк наотрез отказался признаться ей в том, что произошло. Лизетта не настаивала, предпочитая забыть о прошлом. Ей хотелось только одного: создать прочную семью.

Люк предпочитал страдать в одиночестве, считая, что Лизетта не замечает его душевных мук. Похоже, он забыл, что интуиция и проницательность помогли его жене вести успешную агентурную деятельность на оккупированной территории Франции.

Лизетта вздохнула и проверила жаркое. Дом наполнили аппетитные ароматы.

В последние дни Гарри приболел, и Лизетта не без труда уложила его в постель: он надеялся первым встретить отца на пороге. Гарри был очень похож на Люка – копна золотистых волос, заразительный смех. Мальчик любил играть с отцом, и Лизетта надеялась, что сын поможет вернуть Люку веру в будущее и любовь к жизни. Ни у кого не оставалось сомнений в трагической судьбе приемной семьи Люка. Его родные, скорее всего, погибли в концентрационном лагере. Четыре года назад Нюрнбергский трибунал вынес смертные приговоры десяткам нацистских преступников, и весь мир узнал об ужасах фашистского режима и о массовом уничтожении людей в газовых камерах. Лизетта подозревала, что этой участи не избежали и сводные сестры Люка.

Она тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Вдали показался знакомый силуэт: Люк уверенно взбирался по тропе, закинув на плечо вещмешок. Шесть ярко начищенных латунных пуговиц блестели на кителе, сверкала медная бляха на фуражке. Досужие соседки наверняка обсуждали странного француза, который зачем-то карабкался по крутым склонам, как ненормальный, тем не менее, при случае пытались с ним заигрывать.

Люк уже почти подошел к дому. Сердце Лизетты радостно забилося. Солнце клонилось к закату, но сумерки еще не наступили. В воздухе ощущалось приближение весны.

Предыдущие жильцы оставили в доме бойкого фокстерьера по кличке Малыш. Песик привязался к Люку, который любил обращаться к нему по-французски. Вот и сейчас, заслышав приближение хозяина, пес с заливистым лаем выскочил на порог.

Люк вошел в дом, вытер ноги о коврик у входа и опустил на пол вещмешок.

– *Bonjour, mon ami, ça va?*²

Фокстерьер восторженно подскакивал у ног Люка и радостно повизгивал.

– По-английски, пожалуйста, – шутливо прикрикнула на мужа Лизетта, хлопоча у плиты.

Люк снял китель и фуражку, аккуратно повесил их на вешалку в прихожей и подошел к жене. Она улыбнулась и высыпала горох в кастрюлю кипящей воды. Люк ткнул ся холодными губами в шею жены, защекотал колючей бородой.

– Малыш предпочитает общаться по-французски, – пробормотал он. – А у тебя как дела?

– Теперь прекрасно. Мне тебя очень не хватало. – Она обняла мужа и подставила ему губы для поцелуя.

Люк сжал ее в объятьях. Сердце Лизетты переполнилось любовью и нежностью к мужу. Она чуть отстранилась и шутливо потерла шею.

– Тебе не мешает побриться, – заметила она, снимая с него галстук.

Щеки Люка горели румянцем от прогулки по холоду, золотистые волосы растрепались. Даже после семи лет совместной жизни Лизетта по-прежнему страстно любила мужа. Он был в хорошем настроении, его не тяготили думы о прошлом. Она нежно поцеловала его и подумала, что сегодня ей не понадобится ночная рубашка. Люк заметил игривый огонек в глазах жены и вопросительно изогнул бровь.

– Не спеши, – хихикнула Лизетта и предупредила: – Сейчас Гарри проснется. Ему с утра нездоровилось.

Люк шутливо поморщился.

– Ох, как вкусно пахнет! – Он притянул ее к себе и жадно прошептал: – Но ты пахнешь вкуснее.

Лизетта поглядела на стенные часы и поспешно отстранилась.

– Иди переоденься и побудь с сыном, а я на стол накрою.

Она занялась жарким, сдерживая желание прильнуть к мужу и ни на секунду не расставаться с ним.

² Привет, дружок, как дела? (фр.)

– А кофе какой ароматный! – крикнул Люк из комнаты, хотя пахло жутким цикорным напитком.

В небольшом домике легко было переговариваться, находясь в любой из четырех комнат, заставленных мебелью, что досталась Лизетте в наследство. Родители всегда мечтали поселиться в Суссексе, но автокатастрофа во Франции трагически оборвала их жизни. Характер двадцатилетней Лизетты сформировался под влиянием этой безвременной смерти: девушка стала независимой и самодостаточной и с необычайной серьезностью относилась к окружающему. Однако сейчас, после войны, ей хотелось радости и буйства красок, общения с друзьями и участия в жизни городка.

– Сегодня такой славный денек! – заметил Люк. – Вы гулять ходили?

– Да, ненадолго. Не хотелось держать Гарри на холоде. А еще я связалась с институтом и отправила в «Геральд» свою статью. И знаешь еще что?

Люк, одетый в домашнее, появился на пороге кухни.

– *Qu'est...* – начал он, но тут же перешел на английский. – Что?

– Мне предложили работу, – с гордостью заявила Лизетта. – В двух местах.

– Работу? – недоуменно переспросил он.

– Да, в ларьке на пристани, – кивнула она, протягивая мужу чашку цикорного кофе. Лизетта с опаской начала этот разговор, не зная, как Люк отреагирует на ее желание подыскать себе занятие. – Миссис Эванс ищет продавщицу на полставки. Наступают теплые деньки, посетителей будет больше. – Она заметила ошеломленное лицо мужа и торопливо добавила: – Хотя мне больше нравится работа официантки в отеле «Гранд». Мне все советуют туда обратиться, у меня же есть опыт работы в лондонской кофейне «Лайонс».

– А как же Гарри? – удивленно сказал Люк.

– Если устраюсь к миссис Эванс, то буду брать его с собой. А если возьмут в «Гранд», то найму няню. Миссис Динкворт с удовольствием за ним присмотрит. Вдобавок, через полгода Гарри пойдет в детский сад... Пей кофе, остынет.

– И что ты ей ответила? – поинтересовался Люк, не обращая внимания на предложенный кофе.

– Кому? Миссис Эванс? Ну, я ей сказала, что подумаю, но мне очень хочется согласиться... хотя бы на одно предложение.

– Хотя бы на одно? Зачем? – осторожно спросил он, желая избежать ссоры.

– Понимаешь, мне надо чем-то заняться, – объяснила Лизетта. – А то я здесь как будто взаперти.

– Взаперти... – задумчиво повторил Люк. – Ты чувствуешь себя узницей? А как же твои подруги? У тебя есть увлечения, ты в любительском театре собиралась играть... Да и вообще, ты – душа общества, – с завистью произнес он. – По-твоему, работа в кондитерской избавит тебя от воображаемого одиночества?

Лизетта огорченно вздохнула.

– Я не совсем понимаю, чем вызвано твое желание пойти работать, – продолжил Люк. – Ни одно из занятий не сравнится с агентурной деятельностью. Ты жаждешь приключений, но их не будет, – с шутиливой укоризной заметил он.

– Нам нужны деньги, – возразила она, переходя к теме, знакомой каждой послевоенной английской семье.

– Неправда, – ответил он и уставился в окно.

– На родительские деньги мы долго не проживем...

– Вот только не попрекай меня своим наследством. Это твои деньги, трать их на себя и Гарри. Мне хватает, – с плохо скрытой обидой перебил он.

– Да, но все твои деньги остались в Провансе, – ответила Лизетта и тут же прикусила язык.

– Я не об этом. Моего заработка нам вполне хватает.

– Хватает, если переехать на остров Уайт.

– Там семьям смотрителей предоставляют жилье. Ты не захотела туда переселяться, значит, проживем здесь. Я не жалею, наоборот, мне очень нравится, что вы с Гарри здесь, неподалеку. И это совершенно не означает, что тебе надо работать на пристани, где ошиваются всякие подозрительные типы... еще и моего сына брать с собой.

– Твоего сына? Я думала, он наш с тобой сын.

– Тем более стоит задуматься о его будущем. По-твоему, прибрежный ларек – подходящее место для ребенка?

– Нет, конечно. Понимаешь, у Гарри здесь нет друзей, а ему необходимо общение, иначе он вырастет замкнутым и нелюдимым, как...

– Как я? – прервал ее Люк.

– Нет, я хотела сказать, как мы с тобой. Жизнерадостными нас не назовешь.

– Ну, когда-то я был общительным...

– Ох, началось... – вздохнула Лизетта, догадываясь, что Люк воспринимает это как упрек. – Послушай, война окончилась. Забудь о прошлом. Я ведь о нем забыла!

– Ты не потеряла...

– Неправда! – раздраженно воскликнула она и заметила, как губы Люка искривила презрительная усмешка.

– По-твоему, смерть немецкого полковника сравнима с гибелью моих сестер и родителей? Лизетта отшатнулась, будто ее хлестнули по щеке.

– Не смей... – начала она, но слова не шли с языка.

Люк стремительно вышел из кухни. Входная дверь захлопнулась. Шум разбудил Гарри. Лизетта оперлась рукой о стол и разрыдалась. Как глупо! Несколько опрометчивых фраз разрушили мимолетное ощущение счастья... Она сама виновата: не надо было напоминать Люку о прошлом.

Маркус Килиан... Его тень незримо присутствовала в жизни Люка и Лизетты, хотя они все эти годы не упоминали о немецком полковнике. Лизетта старалась забыть о задании, полученном от Отдела специальных операций в 1942 году. От нее требовалось соблазнить и завербовать Килиана, но она не ожидала, что проникнется к нему глубоким чувством. Объяснить это было трудно, однако же Лизетта любила двоих мужчин одновременно: немцев Маркуса Килиана и Люка Равенсбурга. Впрочем, Люк считал себя французом, а еврейскую семью Боне – родными; о своем подлинном происхождении он узнал, когда ему исполнилось двадцать пять, за несколько месяцев до того, как Лизетту забросили во Францию. Он спас Лизетте жизнь. Лизетта спасла его. Посреди ужасов оккупации они полюбили друг друга.

Никто не мог предугадать, что Маркус Килиан, надменный немецкий полковник, откажется сотрудничать с британской разведкой. Никто не предполагал, что за холодным, презрительным фасадом скрывается нежная, ранимая душа истинного патриота. Он полюбил Лизетту, но не мог предать свою родину. В разведшколе Лизетту готовили к агентурной деятельности, ее чувства в расчет не принимались. Полковник вермахта покорила ее своим умом и очарованием... Лизетта всхлипнула. Она выбрала Люка, и теперь ему надо справиться со своей ревностью.

Гарри проковылял на кухню и обнял мать за ногу, не выпуская из рук любимой игрушки, плюшевого барашка. Гарри и барашек были неразлучны. Ах, если бы Люк никогда не разлучался с Лизеттой!

Она смахнула слезу и взъерошила золотистую шевелюру мальчика.

– Ты мой сладкий! – вздохнула она, взяла его на руки и уткнулась в теплую шейку.

– А папа дома? – спросил Гарри, зевая.

Лизетта замялась, но тут Малыш бросился к двери. На пороге стоял Люк. Лизетта вздрогнула от неожиданности: Люк с Килианом были очень похожи – ростом, фигурой, цветом глаз и волос, манерой держаться.

На лице Люка застыло виноватое выражение. На улице начался дождь, и мелкие капли сверкали в золотистых прядях и на красном свитере, связанном для Люка бабушкой Лизетты.

– *Je suis très, très désolé*³, – прошептал он.

Она кивнула, понимая, что он искренне раскаивается в своих словах. Люк стремительно бросился к ней, крепко обнял и поцеловал, потом схватил в объятия сына.

– Пап, ты меня задушишь, – звонко расхохотался Гарри, ужом выскользнул из рук отца и поцеловал его. – А где мои сокровища?

– У меня в кармане, – ответил Люк и подмигнул сыну.

Гарри завизжал от восторга.

– Я не хочу, чтобы мы ссорились, – произнес Люк по-французски. – Нашей любви ничто не должно мешать, – повторял он, нежно целуя жену. – У меня есть ты и Гарри, все остальное не имеет значения. Прости, что я вспомнил его имя. Прости, что не сразу понял, обидел тебя. Прости, я не хотел причинить тебе боль. – Он разжал объятия.

Лизетта кивнула и подумала: «И все равно мне больно за тебя». Она знала, что Люку больше не с кем поделиться своими переживаниями. Англичане считали французов трусами, потому что Франция капитулировала, сдалась Германии. О храбрости и мужестве бойцов Сопротивления было известно немного. Люк завоевал симпатии жителей провинциального городка покладистостью и приятной внешностью, а еще тем, что был женат на англичанке. Однако если бы соседям стало известно, что Люк не француз, а немец, последствия были бы непредсказуемы, а Гарри наверняка заклеили бы «нацистским отродьем». Никто из обитателей Истбурна не подозревал, что Люк, истинный французский патриот, доблестно сражался в отряде партизан-*маки* и не раз рисковал жизнью, помогая агентам британской разведки.

– Прости меня, – снова шепнул Люк.

Лизетта улыбнулась и, отстраняясь, ответила:

– Давай, показывай сыну сокровища.

Люк удержал ее за руку.

– Если хочешь, иди работать в «Гранд». Ты не должна чувствовать себя взаперти. Вдобавок, скоро распогодится, мы сможем поехать на пикник или еще куда-нибудь.

– Ах, на пикник! – радостно воскликнула Лизетта. – Здесь неподалеку есть роща, мы туда с родителями часто ездили... Тебе понравится, там такие поляны с колокольчиками...

Он поцеловал ей руку.

– Нет, мы устроим что-нибудь поинтереснее. Если найдешь, с кем оставить Гарри, съездим в Лондон.

– В Лондон?!

– Да, на Фестиваль Британии. Помнишь, ты говорила...

– Да, да, конечно! Ах, Люк, это замечательно! Сейчас туда специальные поезда ходят...

– Где мои сокровища?! – встрял Гарри в разговор родителей.

– Сейчас покажу, – ответил Люк, ушел с сыном в спальню и вытащил из кармана горсть гальки и ракушек с морского берега. – Вот, ты пока рассматривай, а я тебе про них все-все расскажу.

Гарри вскарабкался на кровать и стал аккуратно раскладывать камешки на подушке.

Люк повернулся к Лизетте:

– Мы поедем в Лондон, и я целый день буду тебя... завлекать?

³ Мне очень-очень жаль (*фр.*).

– Развлекать, – с улыбкой поправила его Лизетта. – Ужин через десять минут.

Она накрыла на стол и тихонько подошла к двери в спальню сына, где Гарри перешептывался с отцом.

– ...вот этот, серенький? – спросил Гарри, сидя на коленях у отца.

– А самый большой? Его называют суфле.

– Суфле? Это что?

– Вообще-то суфле означает «дыхание», но вот этот серенький камешек – застывший плевок великана.

Гарри удивленно ахнул. Лизетта подавила смешок. Отец с сыном обожали сочинять фантастические истории о сокровищах, найденных на берегу: о разноцветной гальке, об осколках стекла, обкатанных морем, о морских звездах, черепках и ракушках.

– А как зовут великана? – зачарованно спросил мальчик.

– М-м... Его зовут Орум, и у него есть целая армия гномов, которые повинуются его приказам и готовят ему гору еды. Вот и этот камешек – семечко огромного яблока. Великан яблоко сгрыз, а семечко выплюнул.

– Ой, – удивленно выдохнул Гарри. – А гномы его слушаются? Они же маленькие и быстро бегают, великан их не догонит.

– Верно, солнышко, – ответил Люк. – За гномами присматривают гоблины.

– Пап, смотри, какая красивая ракушка! – восторженно перебил его сын. – Она чья? Ее королева фей потеряла?

– Нет, сынок, я нашел ее на берегу, и она мне напомнила маму. А знаешь, наша мама на самом деле – королева фей. И тоже очень красивая, прямо как эта ракушка. Посмотри, как перламутр блестит на свету...

– А если я туда заберусь и буду там внутри жить, можно, пап?

– Конечно, – ответил Люк и поцеловал сына в макушку. Гарри залился счастливым смехом. – Пойдем подарим нашей королеве фей волшебную ракушку.

– Она волшебная?

– Да. В руках королевы фей эта ракушка исполняет все желания.

«Спасибо, Люк», – подумала Лизетта и вернулась на кухню.

Глава 3

В середине мая общенациональные празднества были в полном разгаре. Король Георг VI официально открыл Фестиваль Британии, предназначенный стимулировать настроение нации и укрепить веру в будущее после долгих лет войны, разрухи и лишений. Ликующие жители Лондона выстроились вдоль улиц от собора Святого Павла до Букингемского дворца и восторженно приветствовали королевскую семью и двух хорошеньких принцесс. Немногие недовольные считали Фестиваль напрасным разбазариванием средств государственного бюджета, но для Люка эти общенациональные празднования были подтверждением того, что страна начинает с надеждой глядеть в будущее.

Праздничные мероприятия проходили по всей Великобритании. В самых отдаленных уголках страны организовывались выставки, спектакли и концерты, где демонстрировали местные достижения. Было сделано все возможное, чтобы предоставить жителям возможность посетить центральную выставочную площадку Фестиваля в лондонском районе Саут-Банк. Предполагалось, что празднование продлится как минимум пять месяцев. Даже в тихом провинциальном Истбурне все только и говорили, что о событиях Фестиваля. Лизетта с восторгом предвкушала поездку в Лондон.

Гарри оставили на попечение Айрин, близкой подруги Лизетты, у которой было двое детей. Айрин уговорила Лизетту не торопиться с возвращением, а переночевать в Лондоне.

Поезд прибыл на вокзал Ватерлоо, оттуда Люк с Лизеттой пешком дошли до Фестивального зала.

– Ты такая красавица! – восхищенно заметил Люк, глядя на жену.

На щеках Лизетты играл румянец, глаза возбужденно сверкали.

– Вот, решила себя побаловать, – сказала она. – Тебе нравится?

Стройную фигуру Лизетты ладно облегал бледно-голубой наряд: трикотажная блузка с глубоким вырезом, открывающим плечи, и пышная юбка, перехваченная на тонкой талии широким поясом с застежкой в виде банта. Короткая модная стрижка открывала уши, где поблескивали жемчужные сережки – прошлогодний подарок мужа, в честь тридцатилетия. Люк давно не видел Лизетту такой счастливой. Ее поразительная красота до сих пор привлекала внимание мужчин, но Люк был спокоен: на пальце Лизетты красовалось его кольцо.

Вдали вырисовывался футуристический силуэт башни Скайлон, ставшей эмблемой Фестиваля.

– Он похож на космический корабль, – заметил Люк. – А Павильон открытый рядом с ним выглядит как летающая тарелка.

Лизетта рассмеялась и раскрыла газетный кулек. Ноздри защекотал аппетитный аромат жареной рыбы с картошкой.

– Не самая элегантная сервировка, зато вкусно, – пробормотала Лизетта, облизывая пальцы.

– Осторожнее, юбку не запачкай!

Лизетта хитро взглянула на мужа.

– Ничего страшного, я ее долго носить не собираюсь.

– *Mechante!*⁴ – с притворным ужасом воскликнул Люк.

– Ага, я такая, – согласно кивнула Лизетта. – Вы не представляете, что вас ждет, мистер Рэйвенс, – пригрозила она, демонстративно надкусывая хрустящий ломтик картофеля.

Люк улыбнулся и губами ловко выхватил ломтик изо рта жены.

⁴ Здесь: греховодница (*фр.*).

– Знаешь, в этом павильоне собраны экспонаты, рассказывающие об окружающем нас мире, – заметила она, листая программу.

– О земле и о небе? – уточнил Люк.

– Да, о море, о полюсах, о космосе, о растениях... о лаванде, наверное, тоже.

– Я столько всего знаю о лаванде, что сам кого хочешь научу, – вздохнул он.

– Хвастунишка!

– Вы, англичане, ничего в лаванде не понимаете... – Люк выразительно пожал плечами. – На высокогорьях Люберона выращивают дикую альпийскую лаванду, из нее получается экстракт самого высокого качества. А ваша местная лаванда слишком пахнет камфорой.

– Чем жаловаться, лучше растил бы свою дикую прелесть, – поддразнила Лизетта, радуясь, что представилась возможность разговорить мужа.

– Для этого нужны условия высокогорья и совершенно другой климат: засушливое, жаркое лето, холодная снежная зима, – пояснил он.

– В Истбурне зимой снег идет.

– Это не снег, а жалкая пародия.

– Но тебе же хочется растить лаванду?

– Конечно. Это мое любимое занятие, – вздохнул Люк.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем, – сказала Лизетта, продолжая листать программу. – А пока давай сходим в Фестивальный зал, там столько выставок! Между прочим, есть экспозиция ботанического сада Кью-гарденс.

Люк недоуменно посмотрел на жену.

– Ну же, доедай быстрее! – поторопила его Лизетта. – Я хочу все увидеть. Кстати, там оркестр Джо Лосса выступает, вот бы попасть на концерт...

Люк равнодушно пожал плечами.

– Джо Лосс! – воскликнула она. – Неужели ты не знаешь, кто это?

– Я рад, что ты довольна, – смущенно признался Люк. – Так что пойду за тобой, куда прикажешь.

– Так и сделаем. Но предупреждаю, танцевать будем прямо на мостовой. А сейчас купим яблоко в глазури – и вперед!

День прошел в радостной суете. На улицах царил бодрящая атмосфера праздника. Повсюду звучала музыка, временами слышалась не только английская, но и иностранная речь, а на одном из перекрестков до Люка донесся обрывок приглушенного разговора на немецком. Фестиваль стал символом искоренения межнациональной вражды, эмблемой счастливого будущего. Люк глядел на веселящихся лондонцев и гостей столицы, наслаждался смехом Лизетты и чувствовал, как испаряется мрачное настроение. Внезапно он остановился посреди тротуара и с нарастающим возбуждением ощутил, что сегодняшний день – переломный в его жизни. На рекламной тумбе висел огромный плакат с изображением океанского лайнера. Люк уставился на картинку, пытаясь представить радости морского путешествия. Разумеется, первым делом он подумал о Франции, но тут же отверг эту мысль, зная, что пока ему рано возвращаться в родные края. Неожиданно его осенило: изменить свою жизнь и свое будущее вполне возможно – необходимо лишь измениться самому. От этого открытия Люк пришел в восторг.

Лизетта, обеспокоенная отсутствием мужа, нашла его у рекламной тумбы. Он стоял, задумчиво глядя на плакат, и сжимал в кулаке листок бумаги.

– Что случилось? – встревоженно спросила Лизетта. – Ты собрался в плавание?

Люк улыбнулся, скомкал листок и засунул его в карман пиджака.

– Нет, хочу покатасть тебя на американских горках. То-то визгу будет!

– Ты забыл, что во Францию меня забрасывали ночью, – напомнила Лизетта и шутливо ткнула мужа в бок. – Американские горки мне нипочем. Лучше пойдем поглядим на выставку мебели. Говорят, там есть суперсовременное оборудование, которое освобождает женщину от рабского труда на кухне.

– С ума сойти! – хмыкнул Люк.

– Ну пойдем, я хочу посмотреть на мебель!

Люк притворно содрогнулся.

– А может, лучше в цирк? – с улыбкой предложила Лизетта.

– Цирк – это по твоей части, – расхохотался Люк.

– Я не против, – кивнула она. – Значит, идем в цирк, потом на американские горки, потом поедем мороженого, поужинаем и пойдем танцевать в парк.

– Ага, а потом я умру от усталости.

Опустились сумерки, наступила ночь. После долгих лет затемнения город, залитый электрическим светом, представлял собой восхитительное зрелище. Повсюду ярко горели уличные фонари и мерцали разноцветные гирлянды. На лондонских улицах и площадях не смолкала музыка, восторженные гуляки то и дело пускались в пляс.

– Спасибо тебе, Люк, – сказала Лизетта, устало присев на скамью в парке.

– Погоди, праздник только начинается, – ответил Люк. – Нам пора в гостиницу.

– А где мы остановились?

– Помнишь, ты рассказывала про «Империял»? Ну, про ту самую, где ты отрабатывала свое агентурное задание?

Лизетта удивленно ахнула.

– Я решил, что неплохо бы нам совершить тур по местам боевой славы, и заказал там номер. А завтра утром ты проведешь меня по окрестностям, покажешь квартиру на Экклстон-роуд и кофейню «Лайонс». В прошлый раз я Лондона толком не видел.

– Да, в прошлый раз нам было не до экскурсий, – грустно заметила Лизетта. – Я тогда еще не пришла в себя после того, как разъяренные парижане обрили меня наголо за сотрудничество с нацистами. Ничего, завтра ходим к колонне Нельсона, к Букингемскому дворцу, к Парламенту и Вестминстерскому аббатству. А теперь нам и вправду пора в гостиницу.

– Только на сон не надейся, – шутливо предупредил Люк. – За удовольствие придется расплачиваться.

– Разумеется, – кивнула она и крепко поцеловала мужа.

* * *

Гостиница «Империял» почти не изменилась с 1942 года. Впрочем, поселились они не в крошечной комнатухе, а в просторном номере-люкс, с зелеными тисненными обоями на стенах и с громадной кроватью, застланной шелковым покрывалом. В комнате пахло дегтярным мылом и сухими цветами.

– Владельцам гостиницы не мешало бы посетить выставку современной мебели, – улыбнулся Люк. – Дайка помогу, – предложил он, увидев, что жена собирается снять трикотажную блузку.

Лизетта, смеясь, подняла руки над головой. Люк чуть приподнял тонкую ткань и грозным голосом заявил:

– Теперь ты в моей власти, солянка!

Лизетта расхохоталась.

– Да не солянка, а селянка!

– Какая разница, – отшутился Люк и потянулся к застежке лифчика.

Лизетта завизжала.

– Ш-ш, ты всех жильцов перебудишь! – зашептал Люк. – Погоди, я сейчас с этим сложным устройством разберусь...

Звонкий смех Лизетты пронесся по сумрачным коридорам гостиницы. Горничные завистливо переглянулись.

* * *

Наутро, после завтрака, Люк и Лизетта отправились гулять по Лондону. Люк даже кормил голубей на Трафальгарской площади, и Лизетта пожалела, что у нее нет фотоаппарата.

– Знаешь, нам обязательно надо купить фотокамеру, – сказала она, когда они садились в поезд. – А то у нас совсем нет фотографий Гарри. Я слишком нерадиво отношусь к исполнению родительских обязанностей.

– Нерадиво? – переспросил Люк.

– То есть беспечно или легкомысленно, – пояснила Лизетта.

– А, нерадиво, – повторил Люк.

Он прекрасно освоил английский язык и никогда не упускал возможности расширить свой словарный запас, хотя некоторые тонкости порой от него ускользали. Лизетте очень нравилась забавная неправильность речи мужа.

– По-моему, мы прекрасно провели время, – сказал он, когда они устроились в купе.

Раздался свисток паровоза, захлопали двери, застучали колеса.

– Да, это был один из лучших дней в моей жизни, – согласилась Лизетта.

Домой они вернулись в приподнятом настроении. С лица Лизетты не сходила счастливая улыбка, а Люк обрел новый взгляд на мир и новую цель в жизни.

* * *

К возвращению хозяев Айрин развела огонь в камине и вскипятила воду для чая. Гарри уже спал.

– Ну как съездили? – поинтересовалась Айрин и тут же заметила: – Можете не отвечать. Лизетта, ты вся так и светишься!

– Выпьешь с нами чаю? – предложила Лизетта.

– Нет, мне пора. Питер сегодня в ночную смену работает. – Айрин привстала на цыпочки и поцеловала Люка в щеку. – Там почту принесли, я письма на стол положила.

Лизетта обняла подругу и проводила ее до двери.

– Спасибо тебе огромное! Мы великолепно отдохнули.

– Не стоит благодарности, – ответила Айрин. – Вы такая славная пара. Я очень за вас рада. Кстати, Гарри поздно уснул, пусть завтра с утра отоспится.

– Ох, кажется, будто меня месяц дома не было! – вздохнула Лизетта.

– Похоже, поездка пошла вам на пользу. Глядишь, скоро у Гарри появится братик или сестренка, – улыбнулась Айрин.

– Посмотрим, – рассмеялась Лизетта. – Я тебе первой скажу.

Она попрощалась с подругой, вернулась в дом и торопливо пошла на кухню, заварить чай. «Интересно, приучу ли я Люка к чаю?» – рассеянно подумала она, вспоминая ночь, проведенную в страстных объятиях мужа. Айрин права: Лондон пошел на пользу им обоим, положил задел новой, счастливой жизни.

– Я чаю заварю, – громко сказала она. – Будешь?

Люк не ответил.

Она подогрела воду и снова окликнула:

– Люк?! Ты куда пропал?

В доме стояла тишина. Лизетта отправилась на поиски мужа. В детской мирно посапывал Гарри, обнимая своего неразлучного барашка, с которым он наотрез отказывался расставаться. Лизетта склонилась над кроваткой и поцеловала сына в лоб.

Люк сидел на полу в столовой, подтянув колени к груди и опустив голову. Малыш пристроился у ног хозяина, изо всех сил виляя хвостом.

– Что случилось? – ошеломленно воскликнула Лизетта.

Люк не двигался. Рядом с ним лежал конверт с немецким почтовым штемпелем. Лизетта подняла с пола скомканный лист бумаги, подошла к окну и пробежала глазами по строкам. В письме, напечатанном на фирменном бланке Международной службы розыска, сообщалось, что в архивах концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау обнаружены сведения о судьбе Сары Руфь Боне и Ракель Ареллы Боне: весной 1943 года обе женщины погибли. Лизетта подавила всхлип, прижала ладонь к губам и сквозь набежавшие слезы посмотрела на бессильно поникшего мужа.

Скупые строки письма содержали горькую правду: «Вышепоименованная Сара Руфь Боне, арестованная 18 июля 1942 года, зарегистрирована в транзитном пункте Дранси 20 июля 1942 года и направлена в Аушвиц-Биркенау 4 октября того же года...». Далее в письме сухо сообщалось о дате прибытия в лагерь, указывался личный номер заключенного и приводилась дата смерти – 3 мая 1943 года. В лагерных документах называлась и причина смерти: «Сердечная недостаточность». Точно такими же были и сведения о Ракель. Судя по всему, сестер Боне убили в газовой камере.

О судьбе родителей и младшей сестры точной информации не было, хотя из содержания письма становилось ясно, что их, наверное, постигла та же участь. Сведения об уроженцах Сеньона Якобе Давиде Боне, Голде Дане Боне и Гитель Элиане Боне обнаружены в архивах транзитного пункта Дранси с пометкой «отправлены железнодорожным транспортом в концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау в местечке Освенцим, под Краковом, Польша». Дата отправки совпадала с датой, указанной в документах Ракель и Сары.

К этому времени Люк уже знал, что судьба узников, признанных «негодными к работе», оставалась неизвестной. Якоб и Голда Боне и их младшая дочь Гитель, отправленные в Аушвиц из Дранси, не получили личных номеров. Письмо кратко сообщало, что «дальнейшая информация отсутствует».

Предельно ясно, что вся семья Боне погибла в концентрационном лагере на территории Польши.

Лизетта бросилась к мужу, обняла его и разрыдалась. Он сидел неподвижно, будто окаменев. Никто из них не произнес ни слова. Песик забрался к Лизетте на колени, свернулся клубочком и уснул. В детской проснулся Гарри и позвал маму.

– Иди к нему, – невыразительно произнес Люк.

Лизетта оплакивала и судьбу приемных родителей Люка, и свое кратковременное счастье. Ей очень хотелось по душам поговорить с мужем, но она знала, что сейчас не время.

– Будешь уходить, возьми с собой Малыша, – прошептала она и направилась в детскую, утирая слезы. На сердце тяжелым грузом лежала досада на неизвестного корреспондента из Международной службы розыска.

– Доброе утро, солнышко, – сказала она сыну.

– Мамочка, я так соскучился, – воскликнул он и начал сбивчивый рассказ о своих приключениях в отсутствие родителей. Слушая восторженный лепет мальчика, Лизетта немного успокоилась.

Входная дверь тихонько хлопнула. На пороге детской показалась любопытная мордочка Малыша. Лизетта вышла на кухню и выглянула в окно: муж, оставшись наедине со своим горем, решительно спустился к берегу по крутой тропе.

Радостная атмосфера праздника улетучилась, словно ее и не было. Лизетта начала готовить завтрак для Гарри и заметила на полу смятый листок бумаги, выпавший из кармана пиджака Люка.

Листок оказался брошюрой компании «Пи-энд-Оу» с описанием услуг, предлагаемых переселенцам в Австралию. Плата за проезд на корабле составляла всего десять фунтов стерлингов с человека. Лизетта вспомнила, что слышала об этой программе по радио. Австралийские власти всеми силами старались привлечь иммигрантов для заселения страны. Когда-то отец Лизетты читал ей вслух об огромном континенте в южном полушарии. Максимилиан Форестер мечтал в один прекрасный день посетить эту замечательную страну, где безбрежный океан и песчаные пляжи переходят в выжженную докрасна пустыню, а пустыня, в свою очередь, сменяется тропическими джунглями. Лизетта даже представить себе не могла такие расстояния.

– Знаешь, дочка, в Австралии есть фермы, которые простираются не на сотни, а на тысячи миль, – рассказывал отец. – Летом там сухо и жарко, а зимой холодно и снежно. Чем дальше на север, тем умереннее и влажнее становится климат.

– А что на юге? – зачарованно спрашивала Лизетта.

– Чем дальше на юг, тем суровее условия. Южнее Австралии находится только Южный полюс, – отшучивался он. – Мы с тобой обязательно туда поедem, будем кататься по пустыне на верблюдах и купаться в океане.

Лизетта перевела взгляд на листок в руке и вздрогнула. Десять фунтов стерлингов с человека? Они с Люком вполне могут позволить себе подобные расходы. Предприимчивые европейцы уезжали в Австралию, надеясь на лучшую жизнь. Что ж, им с Люком предприимчивости не занимать. В конце концов, кто еще может похвастаться таким богатым опытом борьбы с трудностями? Лизетта и Люк всегда бесстрашно смотрели в глаза опасности.

Лизетта сложила листок и спрятала его в карман, стараясь представить себе выжженные солнцем австралийские просторы. Жаркий, сухой климат... как раз то, о чем мечтал ее муж.

Глава 4

Люк обнял жену и заглянул в ее покрасневшие глаза.

– Послушай, может быть, лучше не торопиться? Если ты передумала...

Лизетта покачала головой и улыбнулась сквозь слезы.

– Нет, поедem, – решительно заявила она, втайне радуясь, что не придется выносить еще одну промозглую английскую зиму, с ее слякотью и штормовыми ветрами на побережье. Жаль, конечно, что не доведется провести Рождество с бабушкой и дедушкой – Гарри весь год с нетерпением ждал прихода Санта-Клауса, не догадываясь, что это переодетый прадедушка, – но навигация заканчивалась в начале декабря.

Корабль «Мултан» отплывал в Австралию из порта Тилбури, расположенного в восточной пойме Темзы. С палубы огромного океанского лайнера водоизмещением 21 тысяча тонн открывался вид на панораму Лондона, затянутую густым смогом. Лизетта хотела навсегда запечатлеть в памяти родную столицу, догадываясь, что надолго расстанется с Англией. Внизу, на пристани, бабушка размахивала ярко-синим шарфом, чтобы внучка заметила провожающих. И бабушка, и дедушка понимали, что вряд ли снова увидятся с Лизеттой, поэтому прощание вышло тяжелым и надрывным. С ними оставался фокстерьер Малыш – любвеобильный пес легко привязался к новым хозяевам.

– Ничего, я уговорю жену побыстрее отправиться в плавание. Мы обязательно приедем к вам в гости, – пообещал дедушка.

Лизетта кивнула сквозь слезы.

Бабушка тяжело переносила предстоящую разлуку с обожаемой внучкой и правнуком.

– Обещайте каждый месяц присылать нам фотографии, – рыдала она. – Ах, мой милый Гарри!

Лизетта и Люк подхватили Гарри за руки и взбежали по трапу, стараясь превратить прощание в шутку, хотя сердце щемило у всех.

Корабль готовился к отплытию, матросы деловито шныряли по палубам. Семья Рэйвенс отправлялась в путешествие на край света. Гарри, не понимая значимости происходящего, зевал у Люка на руках и забавно размахивал ладошками в связанных бабушкой красных рукавичках. Лизетта с усилием сдержала всхлип и робко улыбнулась мужу. С лица Люка весь день не сходило счастливое выражение – не от любви к приключениям, а из-за того, что корабль увозил всю семью из Европы, подальше от пережитых несчастий.

После поездки в Лондон на празднование Фестиваля Британии Люк замкнулся, ушел в себя, не обращал внимания на Лизетту и проводил двухмесячные вахты на маяке, не возвращаясь домой, где все напоминало о письме, полученном из Международной службы розыска.

Неизбывное горе Люка лишало жизнь смысла, терзало душу. Лизетта, устав от бесконечных страданий, решила отбросить беспрестанные сомнения и увезти семью в дальние края, где ничто не напоминало о невзгодах прошлого.

Поначалу Люк противился и отвергал любые попытки объяснений; объятый горем, он не желал утешения. Лизетта не могла излечить его душевные раны, но, невзирая на отстраненность мужа, часто заводила разговоры об Австралии, рассказывала о своей давней мечте посетить этот далекий континент, пытаясь хоть как-то развеять угрюмое настроение Люка. Необходимы были решительные действия, иначе отчаяние довело бы его до рокового прыжка с утеса.

Однажды летом Люк вернулся с восьминедельной вахты на маяке. Мрачный и унылый, он даже не улыбнулся при виде жены.

– Послушай, если ты себя не переломишь, то мы все погибнем! Ты разрушаешь нашу семью из-за тех, кого уже восемь лет нет в живых! – в сердцах воскликнула Лизетта.

Люк ошеломленно посмотрел на жену, не говоря ни слова.

– За что ты так с нами обращаешься? – продолжила она. – Мы виноваты лишь в том, что всем сердцем любим тебя.

Это восклицание стало переломным моментом в настроении Люка. По пути домой он обнаружил труп на мелководье, у подножья четырехсотфутовой скалы. Потрясенный до глубины души, Люк забыл о жалости к себе и в одиночку вытащил тело на берег. К счастью, это был не Эдди.

– Ты права. Вы с Гарри ни в чем не виноваты.

– Да, но нам приходится расплачиваться за злодеяния нацистов.

Люк притянул жену к себе, обнял ее, расцеловал, и они оба разрыдались.

– Я больше никогда не буду вспоминать о прошлом, – пообещал он.

– Нет, этого недостаточно. Нужно изменить весь уклад нашей жизни. Помнишь, я говорила тебе об Австралии?

– Да, – кивнул он. – Но ведь это очень непросто.

– Почему?

– Ну, потому что Гарри...

– Гарри четыре года. Ему неважно, пройдет его детство в Англии или в Австралии. Главное, чтобы у него были любящие родители. Особенно отец.

– А как же твои друзья и знакомые?

– С ними можно переписываться.

– А дедушка с бабушкой?

– Да, они уже старенькие. Да, они будут скучать по нам, но пожелают нам удачи и не станут удерживать в Англии. А ты? Хочешь ли ты перемен? Сможешь ли забыть о Франции, которая сейчас так близко, на противоположном берегу пролива?

– Да, – решительно кивнул Люк.

– Вот и я думаю, что сможешь, – обрадованно воскликнула Лизетта. – Я знаю, все изменится к лучшему, и ты, наконец-то, высадишь свои лавандовые семена.

– Лизетта, но ведь...

– Прекрати! Послушай, ты, конечно, лучший в мире специалист по выращиванию лаванды, но я тут кое-что разузнала. Дикая горная лаванда, которую ты разводил в Любероне, произрастает на сороковой параллели северной широты, так?

– Наверное... – Он нерешительно пожал плечами.

– Не наверное, а точно. Так вот, у побережья Австралии есть остров Тасмания. Вы, французы, вряд ли о нем слышали.

Люк беззлобно рассмеялся. Лизетта с удовольствием отметила, что он не обиделся.

– Давай, поучи меня географии, – подзадорил он, сверкнув голубыми глазами.

– Северная оконечность Тасмании лежит на сороковой параллели южной широты.

Он удивленно заморгал и сразу сообразил, куда клонит жена. Лизетта продолжала оживленно говорить о том, что ей удалось узнать, но Люк уже не слушал. Он отошел к кухонной раковине и уставился в окно, сосредоточенно размышляя.

– А какой там климат? – спросил он, прервав рассказ жены о Хобарте, Лонсестоне и Девонпорте, о каторжниках и о море.

– На сороковой параллели южной широты климат примерно такой же, как в Любероне. В австралийском посольстве мне сказали, что в Тасмании холодные зимы, дождливая весна и долгое, засушливое и жаркое лето.

– А рост? – поинтересовался Люк.

– Пять футов четыре дюйма, – отшутилась Лизетта, сообразив, что муж имел в виду высоту над уровнем моря. – Не знаю. Это очень важно?

– По-моему, да.

– А по-моему, французские производители лаванды слишком задирают нос и притворяются, что ваша лаванда чем-то лучше нашей, английской.

– Видишь ли, климат, высота, долгота и широта оказывают влияние на произрастание лучших в мире экземпляров *Lavandula angustifolia*, узколистной лаванды, – напыщенным тоном продекламировал Люк.

– Знаешь, неплохо, если совпадают три показателя из четырех, – заметила Лизетта.

– Ты права, – ответил Люк и нежно поцеловал жену. – Ты у меня и красавица, и умница, не перестаешь меня удивлять. Я и без того тебе многим обязан. – Он отстранился и ласково поглядел на нее.

– Вот и отплати мне, – умоляюще попросила она. – Давай уедем отсюда, от всех этих проклятых воспоминаний. Отправимся туда, где не было войны, начнем жизнь заново. Ради Гарри. Уедем в далекую страну, где нас никто не знает, и в память о твоей семье посадим семена лаванды в почву Тасмании. Там вырастут и наши дети, и мы ни о чем никогда не будем жалеть.

– А ты сможешь расстаться с прошлым?

– Мне не впервой, Люк.

– Я хочу забыть о боли утраты, хочу сбежать от горя.

– Давай сбежим... В Австралию. В Тасманию.

Люк кивнул и еще раз поцеловал Лизетту

* * *

Они стояли на палубе лайнера «Мултан». В 1923 году это было первое судно водоизмещением свыше 20 тысяч тонн во флоте компании «Пи энд Оу». Скоростью пришлось пожертвовать ради удобства пассажиров. С капитанского мостика прозвучали три резких гудка, на палубах раздались прощальные крики пассажиров, провожающие на причале усиленно замахали. Последний гудок возвестил отплытие, корабль вздрогнул, басовито взревели турбины.

– Двойные швартовы меняют на одиночные, – произнес один из пассажиров тоном знающего.

И действительно, сдвоенные канаты, удерживающие судно у причала, ослабили и начали убирать на корабль. Теперь корабль с пристанью соединял только один канат, а через минуту пассажирское судно «Мултан» отправилось в плавание.

Исчезла последняя ниточка, связывающая Лизетту с прошлым. Бабушка с дедушкой прощально махали с причала. Лизетта прижала к себе Гарри и свободной рукой приобняла мужа. На глаза набегали слезы, размывая черты родных и близких. Она помахала в ответ, надеясь когда-нибудь снова увидеться с любимыми бабушкой и де душкой.

Люк едва не дрожал от радостного возбуждения. Впрочем, зная, как тяжело давалось Лизетте расставание с Англией, он старался не подавать виду, хотя втайне лелеял надежду, что остров Тасмания напомнит ему родной Люберон.

Они с Лизеттой стали «десятифунтовыми переселенцами», отправлявшимися в Австралию по государственной субсидии. Пассажиров второго класса обслуживали в основном выходцы из Азии. Гарри быстро завоевал любовь и членов экипажа, и пассажиров. Шестинедельное путешествие обещало стать захватывающим приключением.

– Ох, это похоже на главу из учебника географии, – воскликнула Лизетта, перечитывая список портовых стоянок судна. – Египет! Надо же!

Они занимали двухместную каюту на палубе «Е». Гарри делил спальное место с матерью, но Лизетта не возражала: сын всегда спал с ней, когда Люк отправлялся на двухмесячную вахту. Каждый день они гуляли по широкой палубе, наслаждаясь свежим ветром, пока корабль пересекал водные пространства с экзотическими названиями: море Альборан, Балеарское море.

На стоянке в Марселе Люк одним из первых радостно сошел на берег, поторапливая Лизетту. Он почти бежал, толкая прогулочную коляску Гарри, чтобы как можно дольше побыть на земле Прованса, в последний раз испытать близость к родному Сеньону. В Марселе дул мистраль – необычное явление для декабря.

– Это знак, – со смехом произнес Люк. – Прованс меня приветствует.

– Ты же не сбежишь от нас в горы? – шутливо спросила Лизетта. Впрочем, и ей хотелось почувствовать под ногами твердую землю вместо качающейся палубы.

– Нет, не сбегу. Во всяком случае, не сейчас, – улыбнулся он.

Резкие порывы ветра проносились над городом, разгоняя стаи чаек, кружащих над портовыми рынками. На холме высился собор Нотр-дам-де-ла-Гард.

Лизетта улыбнулась, разделяя восторг мужа. Радостное настроение исчезло при виде руин древнего порта, взорванного нацистами во время оккупации. Люк поспешно согнал с лица хмурое выражение: ничто не могло испортить удовольствие от посещения города, куда он в детстве часто навещался с приемными родителями.

– А знаешь, аббатство построили еще в пятом веке! – пояснил он.

– Ах, вот чем ты развлекал своих французских подружек – историческими экскурсами? – осведомилась Лизетта.

– Разве тебе не интересно?

– Древность привлекает меня меньше, чем будущее, – ответила она, стараясь не вспоминать, что в 1943 году немецкие оккупанты вывезли из Марселя в Дранси две тысячи евреев, а потом отправили их на восток, в концентрационные лагеря.

– Тогда давай пройдем по магазинам, я куплю тебе знаменитое марсельское мыло, лучшее в мире.

– А мама его очень любила. Оно на оливковом масле.

– Да, – кивнул Люк. – И обязательно с морской солью. А Гарри мы купим мороженое.

– Потому что, как всем известно, марсельское мороженое – тоже лучшее в мире, – улыбнулась Лизетта.

Глава 5

Люк втянул в себя воздух, наслаждаясь легким ароматом эвкалипта. Запах немного напоминал камфорные нотки некоторых сортов лаванды, однако смола австралийских эвкалиптов пахла камфорой гораздо сильнее, чем французская горная лаванда. Если искать сравнения в царстве зверей, то нежный аромат лаванды был мурлыканьем котенка, а запах эвкалипта – грозным рычанием льва. Люку очень нравился и сам запах, и чистота свежего австралийского воздуха.

Пассажиры «Мултана» сошли на берег. Люк с Лизеттой взяли такси. Во время поездки Люк заметил пышно цветущие розы, совсем как в Англии. Еще одно дерево в цвету он узнал сразу же – и по запаху, и по странным желтым соцветиям: мимоза, которую в девятнадцатом веке завезли в Прованс отсюда, из Австралии. Деревья, покрытые гроздьями сиреневых цветов, были незнакомы Люку, но привлекли его внимание разнообразием оттенков лилового, напоминая о лаванде. Жакаранда... экзотическое название. Люк пообещал себе, что обязательно посадит такое дерево рядом с их новым домом.

Ветер доносил из порта запахи моря, рыбы, нефти и пота, ставшие привычными за время работы смотрителем маяка. Впрочем, Англия осталась далеко, на краю света, и об этом не давала забыть даже погода.

Пассажиры «Мултана» упоминали об австралийской жаре, «плавающей асфальт», но Люка и Лизетту поразила зной в порту Мельбурна, где они пересели на паром «Таруна», чтобы переправиться через Бассов пролив в тасманийский город Девонпорт.

Взмокшая от пота рубашка липла к спине, и Люк вспомнил, как под жарким солнцем Прованса собирал лаванду на склонах Люберона. Радостное возбуждение не оставляло его; в отличие от Лизетты, он совсем не ощущал горечи расставания с родиной.

– Я думала, мы уже приехали на край света, а оказывается, надо ехать еще дальше, – заметила Лизетта, глядя на усталого, но довольного Гарри. – В Англии сейчас все спать ложатся.

– Да, и рассвет ты будешь встречать раньше всех своих друзей по театральному кружку, – улыбнулся Люк.

– Ой, Гарри, посмотри, на паром машины грузят! – воскликнула она, смахнув со лба непослушную прядь волос.

Люк влюбленными глазами посмотрел на жену, красавицу-смуглянку, привлекавшую внимание мужчин. Ее темные волосы теперь ниспадали на плечи небрежными волнами, синие глаза сверкали. В нем с новой силой вспыхнула любовь к Лизетте и к Гарри. Люк пообещал себе, что оправдает их доверие и даст им новую, счастливую жизнь на далеком континенте.

Подъемные краны переносили три автомобиля на борт парома: в Австралии еще не использовался способ трейлерной погрузки и выгрузки, принятый в Европе. Люк хотел обзавестись машиной, однако для обустройства на новом месте семья располагала только средствами Лизетты, и приобретение автомобиля в планы пока не входило.

Тем не менее, пребывание на австралийской земле обнадеживало Люка, внушало ему чувство оптимизма. Он нежно обнял жену и сына.

– Мне стало легче на душе.

– Заметно, – ответила Лизетта с улыбкой, будто прощая ему отстраненность, мрачное настроение и уныние жизни в Англии.

– Здесь мы заживем по-другому, – пообещал он и поцеловал жену в макушку.

Лизетта безмолвно кивнула, не в силах сдержать подступивших слез. Люк, желая дать жене время собраться с чувствами, подхватил сына на руки.

– Местные жители называют этот корабль «лодкой», – объяснил он.

– А мы называем его пароход? – уточнил мальчик.

- Правильно. И все пассажиры на нем живут в Тасмании. Мы тоже будем там жить.
- Я знаю, мне мама сказала. Наш старый дом остался далеко-далеко.
- И теперь мы построим себе новый.

Гарри восторженно закивал, словно ему предложили мороженое: он был еще слишком мал и не представлял себе важности происходящего. Люк решил во что бы то ни стало добиться успеха в новой, неведомой жизни.

– А почему нас высадят не в Лонсестоне, а в Бьюти-Пойнт? – спросила Лизетта. – Я читала, что в городе есть порт Кингс-Уорф.

– Кингс-Уорф предназначен для товарных судов, а в Бьюти-Пойнт есть пассажирский терминал. Оттуда мы поедем в город на автобусе, – пояснил Люк. Эти сведения он успел разузнать в порту Мельбурна.

Лизетта не ответила, но по выражению ее лица Люк понял, что она устала от переездов.

– Бассов пролив в два раза шире Ла-Манша. Здесь часто штормит, – заметил стоящий рядом пассажир, судя по всему, бывший моряк. – Нам повезло, сегодня погода хорошая. – Он подмигнул Лизетте, задумчиво раскуривая трубку. – А вы приезжие?

– Да, – ответил Люк. – Прибыли сегодня парохомом из Англии.

– Англичане, что ли? Какой-то акцент у вас странный, – хмыкнул старый моряк.

Люк, привыкший к подобным замечаниям еще со времен работы на маяке, не стал обижаться и объяснил:

– Я француз. Меня зовут Люк Рэйвенс.

– Рэйвенс? Не очень-то французская фамилия, – улыбнулся собеседник и вежливо приподнял фуражку. – Миссис Рэйвенс, очень приятно. Ах, такая худышка! Ты, сынок, держи ее покрепче, чтобы ветрами ревущих сороковых не унесло.

Лизетта недоуменно улыбнулась, Люк удивленно поглядел на старого моряка.

– Меня зовут Джим Паттерсон, – наконец-то представился собеседник. – Про наши бури вы еще узнаете.

– А это наш сын, Гарри. Поздоровайся с мистером Паттерсоном, солнышко, – сказала Лизетта.

– Здравствуйте, мистер Паттерсон. Мне ваша фуражка очень нравится, – заявил Гарри.

– Бойкий мальчуган, – заметил Джим. – Вырастет настоящим австралийцем. Вы на постоянное жительство приехали?

Люк с Лизеттой кивнули.

– Гидростанцию будете строить?

– Нет, – ответила Лизетта. – Мой муж собирается выращивать лаванду.

– Лаванду? – удивленно переспросил Паттерсон. – У нас в Тасмании?

– Да, – решительно подтвердил Люк.

– Правда, что ли?

– А что в этом такого? – пожал плечами Люк.

– Рисковые вы ребята, – рассмеялся Джим. – Одобряю.

– Сколько времени займет переправа? – спросила Лизетта, желая сменить тему разговора, и пригладила вспотевшие кудряшки Гарри.

– Часов двенадцать, не меньше. Вы где остановились?

– В гостинице «Корнуолл», – ответила Лизетта. – Я бронировала наугад, надеюсь, это приличное заведение.

– Ну, как сказать. Все зависит от вашего кошелька. – Джим снова затянулся ароматным табаком, глядя, как на паром грузят последние автомобили. – Раз уж у вас денег хватит лаванду разводить, могли бы остановиться и в отеле «Брисбен», он такой, с выкрутасами. Там в двадцатые годы сам принц Уэльский останавливался, а одним из владельцев был тоже француз, мистер Когнет.

Люк с трудом сдержал усмешку: мало того, что Джим Паттерсон говорил со странным акцентом, он еще и неверно произнес французское имя Конье.

– Это лучшая гостиница в Тасмании, – продолжил Джим. – Есть еще «Метрополь», тоже для тех, кто побогаче. А с «Корнуоллом» вы не ошиблись, миссис Рэйвенс. Там попроще, но обслуживают прекрасно, кормежка вкусная. Ну вот, отправляемся. Что ж, желаю вам удачи, – сказал он и приподнял фуражку.

Люк пожал ему руку на прощание и облегченно вздохнул: снисходительная насмешка Паттерсона и его недоверчивое отношение к выращиванию лаванды грозили разрушить надежды на счастливую жизнь в сороковых широтах.

Для переправы на пароме Люк с Лизеттой купили билет первого класса, чтобы с комфортом провести последние двенадцать часов пятидневного путешествия. Наконец «Таруна» пришвартовалась в порту Бьюти-Пойнт, и усталые пассажиры сошли на берег.

Их встретил пустынный ландшафт, без признаков жизни. Вдали, на горизонте, виднелись низкие холмы, покрытые синеватой дымкой.

– Да, заехали в глухомань, – вздохнула Лизетта.

– А ты представь, что это Саут-Даунс, – сказал Люк. – По-моему, очень похоже.

У пристани выстроилась вереница автобусов, отправлявшихся в Хобарт или Лонсестон. Люк, Лизетта и Гарри сели в автобус до Лонсестона. Несмотря на открытые окна, в салоне было жарко, и Гарри сразу уснул. Чуть позже зной сморил и Лизетту. Люку спать не хотелось. Он оглядел пассажиров и среди местных жителей заметил семью итальянских переселенцев, которых запомнил по путешествию на лайнере.

Пейзаж за окном разительно отличался от английского. Там и сям виднелись купы высоких деревьев – должно быть, эвкалиптов, – но каменистые холмы напомнили Люку Прованс. Он не стал будить Лизетту. Гарри мирно посапывал, прильнув к отцу.

За окнами потянулись фруктовые сады: Тасмания славилась своими фруктами и лесоматериалами, поставляя эти продукты по всему миру. Яблони и груши, вишни и черешни – Люк, с восторгом разглядывая знакомые деревья, вспомнил, что сейчас, в январе, в Южном полушарии лето стояло в разгаре. Ветви деревьев гнулись под тяжестью ярких налитых плодов. Он вспомнил сады Сеньона и с надеждой подумал, что климат Тасмании действительно похож на провансальский.

– Весной здесь просто чудесно, – говорила одна из пассажирок своему спутнику. – С садов облетает цвет, и лепестки плывут по реке Тамар...

Люк решил, что обязательно приедет сюда в октябре или в ноябре, насладиться бледно-розовой кипенью цветущих садов.

– На вокзале нас должны встречать, – сказала Лизетта, устало покачивая спящего Гарри. Люк подумал, что надо бы купить сыну новую коляску – из старой он уже вырос.

Опустевшие автобусы, окутанные сизыми клубами выхлопных газов, выезжали со стоянки. Люк с Лизеттой нервно переглянулись и обменялись смущенными улыбками с итальянцами, которые не знали английского.

– Нет, я не выдержу на солнцепеке, – вздохнула Лизетта и направилась в здание вокзала.

Люк втайне наслаждался полуденным зноем, напоминавшим о родном Провансе. Надежда, внушенная Лизеттой, постепенно превращалась в уверенность: для лаванды нужно именно такое, сухое и жаркое лето. Вполне возможно, что Тасмания станет местом, где Люк сдержит данное бабушке обещание и создаст для своей семьи новое, счастливое будущее. Что ж, время покажет...

Размышления Люка прервал юноша, одетый в форму носильщика.

– Мистер Рэйвенс? – уточнил он.

Люк с облегчением кивнул.

– Добрый день, меня зовут Джонни... то есть Джон. – Юноша приветственно протянул руку. – Я из гостиницы «Корнуолл». Простите, что припозднился: ехал за трамваем, а он как назло остановился посреди дороги, какая-то девушка сумочку посеяла.

Люк удивленно заморгал, почти не понимая, что ему сказали. Молодой человек говорил по-английски с очень странным акцентом, произнося многие слова совершенно иначе.

– Здравствуйте, – наконец ответил Люк и помахал Лизетте, вышедшей из здания вокзала. – Вот, познакомьтесь, моя семья.

– Добрый день, миссис Рэйвенс. Добро пожаловать в Лонсестон, – с широкой улыбкой сказал Джонни и добродушно заметил: – А малыш ваш совсем спекся.

– Да, жарко тут у вас, – ответила Лизетта. Люк заметил, что она без труда понимает местный диалект.

– Ну тогда поедem в гостиницу, устройтесь. Солнце так и жарит, миссис Рэйвенс. У вас шляпка есть?

– Нет, к сожалению, – ответила Лизетта, передавая спящего Гарри мужу.

– Значит, будет первая покупка. А то с вашей нежной кожей... – Джонни смущенно замялся.

– Ох, спасибо на добром слове, – вздохнула Лизетта. – Все-таки поездка была очень утомительной.

– У нас в Лонсестоне летом без шляпы ходу нет, – пояснил Джонни. – Да и вам не помешает, мистер Рэйвенс, и малышу вашему. По такой жаре надо осторожно, а то вон переселенцы иногда даже умирают. – Он снова широко улыбнулся и подхватил чемоданы. – Ну, двинем...

– А что будет с этими пассажирами? – спросил Люк, показывая на семью итальянцев.

– Они на строительство гидроэлектростанции приехали. За ними обязательно кого-нибудь пришлют, не волнуйтесь, – с улыбкой пообещал Джонни. – Ха, вот и он. Привет, Лори, вон твои пассажиры.

Загорелый морщинистый мужчина снял широкополую шляпу и пригладил волосы.

– Ага, мои. – Он приветственно кивнул Люку, подошел к итальянцам и громким голосом осведомился: – Вы Виззари?

Глава семьи с облегчением закивал.

– Пойдемте со мной. Меня Лори зовут, – произнес встречающий, стукнул себя в грудь и громко повторил: – Лори.

Итальянцы послушно последовали за ним к автобусу у обочины.

– До Камерон-стрит тут недалеко, – сказал Джонни, обращаясь к Люку. – Через пару минут будем на месте. Ну что, пойдem, мистер Рэйвенс?

– Да, конечно, – кивнул Люк. Он постепенно привыкал к местной манере разговора.

По привокзальной площади сновали троллейбусы, выкрашенные в ярко-вишневый цвет с белой окантовкой. В жарком воздухе пахло бензином и автомобильными выхлопами.

– Вы местный, Джонни? – спросила Лизетта.

Юноша погрузил багаж в машину и кивнул.

– Да, здесь и родился, и вырос. Завидую я вам, приедем. Подумать только, вы из самой Европы!

– А вам приключений не хочется? – шуточно поинтересовалась Лизетта.

– Еще как хочется, – улыбнулся Джонни. – Мой дед погиб в битве при Галлиполи, а отец сражался под Эль-Аламейн, но домой воротился. Письма с фронта слал про то, как они через пустыню шли. Я в детстве марки собирал разные, все мечтал когда-нибудь съездить в дальние страны.

– Что ж, война кончилась, теперь можно и съездить, – сказала Лизетта. – А остальной багаж в гостиницу позже привезут?

– Да, не волнуйтесь, из порта прямиком доставят. Вы же им адрес дали?

Лизетта кивнула.

– Мы пока в гостинице проживем, потом определимся с постоянным жильем, – объяснила она.

Люк с восхищением отметил, что она произнесла это просто, без притворства и без волнения, свойственного женщинам при переездах, особенно с ребенком на руках.

Люк учуял аромат свежеспиленной древесины и спросил Джонни, откуда взялся запах.

– Лонсестон застраивается, по всей округе новые дома, а еще у нас тут мебельные фабрики. Вон, видите – лесовоз.

Лизетта и Люк удивленно проводили взглядами грузовик с громадным прицепом, доверху загруженным балками.

Через несколько минут их машина остановилась у входа в гостиницу «Корнуолл». Привлекательное двухэтажное здание в викторианском стиле напомнило об архитектуре Мельбурна: оштукатуренные стены, жестяная крыша, просторный балкон на втором этаже, внизу – тенистая веранда.

Люк виновато взглянул на Лизетту: ей нужно было отдохнуть после утомительного путешествия, да и Гарри следовало уложить в постель.

– Вот мы и дома, – улыбнулась она.

– Еще не совсем дома, но скоро будем, – пообещал Люк.

Он отвел жену и сына в номер и уложил спать, а сам спустился в вестибюль гостиницы, где снова встретил Джонни.

– А, мистер Рэйвенс! – воскликнул юноша. – Не спится?

– Среди дня сон не идет, – объяснил Люк.

– А жена ваша отдыхает?

– Да, ее сон сморил, – ответил Люк, отчаянно надеясь, что правильно подобрал английское выражение.

– У вас такая славная семья! И миссис Рэйвенс красавица, вы уж не обижайтесь за прямо-моду, – смущенно сказал Джонни.

– Что вы, какие обиды! – Люку польстила похвала юноши.

– А в вашей Англии сейчас ночь, – заметил Джонни.

– Ну и что? – пожал плечами Люк. – Надо привыкнуть, только и всего. Я лягу спать, как стемнеет.

– Так вы, значит, на разведку собрались, – ухмыльнулся Джонни.

– Наверное, – сказал Люк. – Куда лучше пойти?

Джонни замялся. Люк вопросительно приподнял бровь.

– А хотите со мной? – предложил юноша. – Мне по делам в город надо съездить, а заодно я покажу вам окрестности, если не возражаете.

– С удовольствием, – ответил Люк. – Спасибо, Джон.

– Вам тут понравится, мистер Рэйвенс, вот увидите.

– Зови меня Люк.

Юноша кивнул. Он как будто сошел с рекламного плаката, пропагандирующего счастливую жизнь в Австралии: высокий, широкоплечий и мускулистый блондин, пышущий здоровьем, с дружелюбной улыбкой на приветливом загорелом лице.

– А вы зовите меня Джонни, – сказал он и подмигнул. – Джоном меня зовет только матушка, да и то, если сердится.

* * *

Джонни усадил Люка в кабину гостиничного фургона, сел за руль и сказал:

– Сейчас мы быстренько проедем по городу, мистер Рэй... Люк. Ну, чтобы вам сориентироваться.

– Да, спасибо, – кивнул Люк, утер платком вспотевший лоб и откинулся на сиденье, с любопытством глядя в окно.

– Видите, вон порт Кингс-Уорф, – начал Джонни. – Туда фермеры с соседних островов привозят на продажу коров, овец и прочую живность, а здесь закупаются сельскохозяйственной продукцией, овощами там, фруктами.

Вдоль широких ровных улиц стояли аккуратные деревянные домики с зелеными крышами из рифленого железа, обнесенные белыми заборчиками.

– У вас здесь очень чисто, – заметил Люк. – А это что? – спросил он, указывая на высокое кирпичное здание.

– Пивоварня Боуга, – ответил Джонни. – Мне туда надо пакет из гостиницы доставить, так что поближе рассмотрите. – Он остановил машину, но двигатель выключать не стал. – Я быстро.

Люк учуял аромат хмеля и пивных дрожжей. Вдобавок пахло газом и чем-то звериным. Когда Джонни снова сел за руль, Люк спросил, в чем дело.

– Ну у вас и нос! – воскликнул Джонни. – Я-то привык, уже ничего не чувствую. Тут газгольдеры⁵ рядом, а еще городской парк, где обезьяны живут.

– Обезьяны? – недоверчиво переспросил Люк.

– Ага. Там и пруд есть, с утками и лебедями. Детишки их очень любят кормить. Мы мимо проедем, я вам покажу.

Посреди города раскинулся парк с безупречно подстриженными лужайками и великолепными лиственными деревьями. На траве загорали отдыхающие, в тени матери играли с детьми, откуда-то из рощи доносились резкие крики обезьян.

– А теперь съездим в торговый центр, – заявил Джонни. – Я в «Бекс» загляну, а вы пока сходите в кондитерскую «Гурлей», там леденцы продают, сынишке вашему понравится.

Торговый центр оказался улочкой с мелкими магазинчиками, «Бекс» – типично английской бакалейной лавкой, а в кондитерской Люк замер перед полками с конфетами, драже, монпансье, ирисками, тянучками и карамельками. Он купил для Гарри три ярких круглых леденца на палочке, немного монпансье для себя и кокосовых карамелек для Лизетты.

– Пора возвращаться, – объявил Джонни и показал Люку еще несколько магазинов, на будущее. – Вот это обувной, «Дункан» называется. У них там есть специальный рентгеновский аппарат, им размер проверяют.

– Ты настоящий гид, спасибо, – поблагодарил Люк.

– Да ладно... – смущенно улыбнулся Джонни. – Нет, нам правда пора, ваша жена, наверное, беспокоится.

⁵ Большой резервуар для хранения природного газа, сжиженного нефтяного газа (*от англ. gas-holder*).

Глава 6

Через несколько дней Люк и Лизетта вполне освоились в Лонсестоне. Небольшой городок напоминал провансальский Апт, куда Люк приезжал из Сеньона несколько раз в неделю за провизией.

Лизетта совершенно очаровала хозяев и прислугу в гостинице и уже подыскала няню для Гарри.

– Может, не стоит его оставлять с чужими людьми?

– Люк, прекрати! – сказала Лизетта. – Она не чужая, мы с ней уже подружились, в гостинице ее все знают, а нам нужно время, чтобы подыскать участок, да и вообще...

Он нежно поцеловал жену, не желая ссориться.

– Ладно, больше не буду.

– Давай вечером в кино сходим? – предложила Лизетта. – В городе четыре кинотеатра, сегодня суббота. Хочешь, посмотрим вестерн какой-нибудь. Или «Африканскую королеву»? Ну, соглашайся!

– Согласен, – примирительно улыбнулся Люк. – Вот только работу подыщу. Может, на стройке где-нибудь...

– Зачем? – недоуменно спросила Лизетта. – Денег у нас хватает, обменный курс в нашу пользу...

Он снова поцеловал ее и шепнул:

– Знаю. Не хочу, чтобы меня считали слабаком.

– Какой же ты слабак?

– Все равно, найду что-нибудь временно, а поисками земли для фермы займемся на следующей неделе.

– Ладно, встретимся в полседьмого у кинотеатра. Вот адрес. Сеанс начинается в семь, не опаздывай.

– И ты на солнце не перегрейся, – сказал он, целуя жену в щеку.

Люк нашел работу на первой же строительной площадке. Прораб, проверявший ход работ, оценив оogleд Люка и сразу согласился взять его в подсобные рабочие.

– Приходи в понедельник, в шесть утра, мы летом спозаранку начинаем. С бригадой я тебя познакомлю, все инструменты получишь здесь. На неделю дел хватит, а там посмотрим, – сказал прораб.

– Спасибо, мистер Коул, – поблагодарил Люк и обрадованно отправился в гостиницу, купив по дороге букет цветов для Лизетты и игрушку для Гарри. Сам он решил пропустить стаканчик в пивном баре «Корнуолла».

Возбужденные завсегдатаи паба громко обменивались мнениями о крикетном матче. Люк не понимал и не любил крикет, поэтому в беседу не вмешивался и одиноко присел у барной стойки. Впрочем, в феврале сезон крикета подходил к концу, и мужчины предвкушали начало осенних футбольных матчей. Паб при гостинице облюбовали игроки одной из футбольных команд Лонсестона, и Люк с интересом прислушивался к их разговорам. Судя по всему, австралийский футбол заметно отличался от английского. Люк успел побывать на показательной игре школьной команды Лонсестона, и его захватила стремительность событий, разворачивавшихся на поле.

В пабе громко гудел кондиционер, на полированной деревянной стойке поблескивали лужицы пролитого пива. Люк сидел, размышляя о посетителях паба, трудягах, которые приходили сюда в горе и в радости. Он чувствовал, как меняется сам, как сходит уныние, как его переполняет надежда на будущее. Вдобавок, он старался привыкнуть к австралийскому пиву. Английский эль ему не нравился. Люк предпочитал вино, но догадывался, что заказывать его

здесь не стоит. Он задумчиво разглядывал бокал, до краев полный ледяной пенящейся янтарной жидкостью.

– Ты чего, приятель? – спросил Люка один из посетителей и хитро прищурился. – Ждешь, пока оно заговорит? – Он рассмеялся собственной шутке и заказал себе громадную кружку пива. Пена выплеснулась через край, и бармен вытер стойку длинным полотенцем. – Спасибо, Норм, – кивнул седовласый мужчина с широким обветренным лицом и представился Люку: – Меня Морис Филд зовут. Можно просто Морис.

– Люк Рэйвенс, – ответил тот.

– Ну, за знакомство, приятель! – воскликнул Морис и, жадно припав к кружке, одним глотком опустошил ее на треть.

Люк сделал осторожный глоток. Новый знакомый с довольным вздохом оторвался от пива, утер губы и заявил:

– А ты, значит, лягушатник?

От неожиданности Люк едва не поперхнулся.

– Лягушатник? – недоуменно переспросил он.

– А то! Симпатичный француз с английской красавицей-женой. Про вас все в гостинице говорят.

– Да, это я, – улыбнулся Люк. – А почему лягушатник?

– Так вы же их едите, лягушек этих, – объяснил Морис.

Люк расхохотался.

– Иногда едим, – кивнул он. – *Santé*, за твое здоровье.

– Как скажешь, – ухмыльнулся Морис. – Давай, пей до дна. – Он снова прильнул к кружке и отхлебнул еще треть. – Ты тут что делаешь? Гидроэлектростанцию строишь?

– Нет, мы из Англии уехали, чтобы здесь начать новую жизнь.

– А что со старой не так? Или натворил чего? – Морис хитро подмигнул собеседнику.

Люк знал, что англичане считали французов ловеласами и прожигателями жизни. Его приятели на маяке все время над ним подшучивали, поэтому сейчас он решил быть откровенным, понимая, что Морис сообщит все своим знакомым.

– Жене в войну непросто пришлось, – начал Люк. – Она работала на английскую разведку во Франции.

– Да ладно! – воскликнул Морис, толкая его в бок. – Твоя жена – разведчица? Такая кроха!

– Да, – кивнул Люк. – Эту кроху забросили на юг Франции, оттуда ей помогли перебраться в Париж... Там мы и встретились, я ее через горы зимой провел. Ну, я был бойцом Сопротивления, слыхали про таких?

– Ага, – кивнул Морис и опустошил кружку.

– Еще по одной? – предложил Люк.

– Нет, спасибо, – отказался Морис. – Печень уже не та, я жене обещал больше одной не потреблять. – Он потянулся за широкополой шляпой, лежавшей на стойке. – А зачем вы сюда приехали? Надо же, бравый участник Сопротивления и английская шпионка! С ума сойти, кому скажешь – не поверят.

Люк нерешительно пожал плечами.

– Понимаете, я до войны в Провансе лаванду выращивал.

– Правда? А я думал, ты тореадор какой-нибудь...

– Это испанцы, – рассмеялся Люк.

– А какая разница! Сам-то я нигде не был. Первую мировую пропустил по малости лет, а для Второй стар стал. Пришлось дома отсиживаться, за порядком следить. Так, говоришь, лаванду растил?

– Да. Вот, опять мечтаю заняться...

– Молодец, отдал долг родине. Мой сын в сорок третьем погиб, тебе ровесник. Сейчас бы к новому футбольному сезону готовился, – вздохнул Морис. – Хороший был парень, наш Дэйви. Тоже родине помог, – задумчиво произнес он, помолчал и откашлялся. – Вот я и говорю, молодец ты, Люк. Удачи тебе. Дети есть?

– Сын, Гарри, еще совсем маленький.

– И то славно. Ты его правильно воспитай, чтоб вырос настоящим австралийцем, за «Демонов» болел, пиво пил, и все будет хорошо. – Он хмыкнул. – А ты цветочки расти.

– Лаванду растить – хорошее дело, прибыльное, – усмехнулся Люк.

– Ха, это и вовсе замечательно. Глядишь, прославишь Тасманию. Тебе надо поговорить с ребятами в Лилидейле. Это на северо-востоке.

– А что там, в Лилидейле? – спросил Люк.

– Они лаванду растят на продажу. Всякое другое тоже, но лаванда у них отменная, скажу я тебе. Съезди к ним, поговори, может, чего посоветуют.

Сердце Люка восторженно забилося.

– Далеко до Лилидейла?

– Миль семнадцать или около того. До Скоттсдейла поезд ходит, через Набоулу, там лесопилки. А оттуда до Лилидейла рукой подать. – Морис кивнул, пожал руку своему новому знакомому и подмигнул: – Ну, до встречи, Рэйвенс.

* * *

Люк с увлечением рассказал Лизетте о Лилидейле и не мог остановиться даже в кинотеатре. Рано утром в понедельник он поцеловал спящего сына и еще раз напомнил жене разузнать, можно ли купить ферму неподалеку от Лилидейла.

– Да не волнуйся ты так, – сказала Лизетта. – Все будет хорошо.

– А я и не волнуюсь. Работал на стройке, дело знакомое.

Однако, придя на строительную площадку, Люк ощутил напряжение, разлитое в воздухе. Поначалу его отправили на монотонную работу, которую он выполнял в одиночестве, но как только строители собрались на перекур, Люк ощутил на себе пристальные, подозрительные взгляды. Сидя поодаль от остальных, он пил из кружки растворимый кофе. Строители предпочитали крепкий чай. Через несколько минут один из рабочих подошел к нему и спросил:

– Рэйвенс, а что у тебя за фамилия такая?

– Какая есть, – попытался отшутиться Люк.

Рабочие с интересом уставились на него.

– Похожа на немецкую, – презрительно заметил один из них.

– Я француз, – ровным голосом ответил Люк, разглядывая подошедшего к нему великана в запыленных черных шортах и рубахе с обрезанными рукавами. На мощных татуированных руках бугрились мускулы, загорелые дочерна скулы покрывала многодневная щетина.

На строительной площадке воцарилась напряженная тишина.

– Мы все от проклятых нацистов пострадали, – заявил кто-то из рабочих.

– А при чем тут нацисты? Я родился и вырос на юге Франции, – сказал Люк и начал расстегивать рубаху, взмокшую на жаре. – В войну ушел с бойцами Сопротивления в горы, помогал разведчикам союзников переправляться через Альпы. Особенно англичанам. – Он встал и собрался уходить.

– Все знают, что французы – трусы, они с оккупантами сотрудничали, – не унимался строитель.

Его приятели оживленно зашептались.

Это замечание ранило Люка до глубины души, однако он не подал виду и решил раз и навсегда покончить с подозрениями.

– Да, некоторые сотрудничали. Но очень немногие. Остальные смело восставали против врагов. Все, даже женщины и дети. – Он с трудом сдерживал гнев. – Ваши жены были здесь, в безопасности, вы войны не знали. А мы жили в оккупации, нам приходилось работать на немцев или умирать с голоду. Нас отправляли в Германию, заставляли заниматься подневольным трудом, посылали на Восточный фронт...

– Австралийцы воевали на стороне союзных войск, – перебил его кто-то.

– Я же не называю вас трусами. Знаете, сколько французов погибло, помогая союзникам? Всю мою семью нацисты уничтожили – бабушку, родителей, трех сестер. Младшей всего четырнадцать было. Их газом потравили в концентрационном лагере! – Он запнулся, с трудом сдерживая слезы. – Вот вы тут все приятели, да? Мои самые близкие друзья погибли в застенках гестапо. Одного расстреляли у меня на глазах, вывели на площадь и пустили пулю в голову, без суда и следствия. А старого друга нашей семьи пытали, но он меня не выдал. Меня заставили его застрелить, и он с благодарностью принял смерть. Если бы в пистолете была еще одна пуля, я бы убил мерзавца, который поставил меня перед жутким выбором: отправить старика на новые мучения или лишить его жизни своими руками. – Люк сдернул с плеч насквозь промокшую рубаху и утер залитое потом лицо. – *Alors, satisfait?*⁶ – гневно спросил он.

Строители отпрянули от неожиданности.

– Эй, мы тут по-английски говорим!

– Я спрашиваю, довольны вы моим рассказом? – Люк раздраженно отбросил скомканную рубаху и обернулся к рабочим.

Они ошеломленно уставились на его обнаженный торс.

– Ого! Чем это тебя так, пулей? – спросил великан, присвистнув от удивления.

Люк пожал плечами и кивнул, удивленный сменой настроения. Строители обступили его со всех сторон, рассматривая шрамы на груди и спине.

– А кто тебя подстрелил? – поинтересовался самый молодой из рабочих.

– Немецкий полковник, во время битвы за освобождение Парижа, – признался Люк, не упомянув, что обязан жизнью героическому поступку Килиана.

Строители одобрительно зашумели.

– Ты его убил?

– Своими глазами видел, как он погиб, – уклончиво ответил Люк.

– Молодец, приятель! – воскликнул великан и крепко пожал ему руку. – Так ты, значит, нацистов бил? Здорово. Меня зовут Рико, это вот Рон, Карапуз, Мэтти, Билли и Лом. Только не спрашивай, почему Лом, а то он покажет.

Все рассмеялись.

– Меня зовут Люк.

– Люк, говоришь? Ну, будешь Лягушонком, – добродушно заявил Рико. – Нациста подстрелил... Да, хорошее дело. Я вот так и не удосужился. Что это у тебя на шее?

– Нацистские косточки, – пошутил кто-то из строителей под общий хохот.

Люк промолчал, не представляя, что подумают рабочие, если узнают о лаванде. Надо же, Килиан даже после смерти помог ему выпутаться из беды!

Закончив перекур, строители вернулись к работе. Рико хлопнул Люка по плечу.

– А того нацистского мерзавца ты найди обязательно. За ним должок, пусть заплатит.

⁶ Теперь довольны? (фр.)

Глава 7

Гарри решили оставить на целый день под присмотром двадцатилетней Руби, знакомой Джонни, которая недавно вышла замуж. Лизетта ей доверяла, да и Гарри к ней привязался.

Хозяйева гостиницы «Корнуолл» помогли Люку связаться с Томом Марчендом, который жил в деревушке на юго-востоке от Лонсестона, недалеко от Лилидейла, и выращивал лаванду.

Марченды пригласили Люка и Лизетту навестить их и радушно встретили гостей. Том почти сразу ушел с Люком осматривать хозяйство, а Лизетта осталась с его женой Нелл, высокой статной женщиной с серо-зелеными глазами и гривой рыжих волос.

– И как тебя, такую красавицу, занесло в нашу глухомань? – первым делом спросила Нелл.

Судя по всему, австралийские мужчины по-прежнему считали, что место женщины – дом. Лизетта немного обиделась, что ее оставили вести разговоры о домашнем хозяйстве, но виду не показала. Ей очень понравились прямота и проницательность Нелл.

Хозяйка напекла свежих пышек, и Лизетта с удовольствием угощалась горячим лакомством, щедро сдобренным домашним клубничным вареньем и свежайшими сливками.

– Сливки с фермы Партриджей, в Набоуле. На всю округу славятся, – объявила Нелл. – Ешь, у нас продукты ненормированные, а тебе, худышке, поправляться надо.

Лизетта и в самом деле сильно исхудала.

– Это я, наверное, от волнений вес сбросила, – смущенно призналась она.

– Да о чем здесь волноваться! – хмыкнула Нелл. – Ты женщина здоровая, молодая, муж у тебя славный, сынуля просто загляденье. Глядишь, еще детей нарожаешь. А у нас тут у кого жених с войны не вернулся, у кого муж... Семьи без кормильцев остались, вот женщины на работу и устраиваются, кто продавщицей, кто официанткой.

Лизетта смущенно жевала, зная, что ей и вправду не о чем волноваться по сравнению с другими. Наверное, был виноват сон. Ей уже дважды снился этот кошмар, сначала после прибытия в Мельбурн, во время переправы через Бассов пролив... Тогда она проснулась от собственного крика, и Люк утешал ее как мог. А второй раз тот же сон привиделся ей прошлой ночью. Лизетта не помнила, о чем он, но чувствовала глубокую грусть и печаль, и это тревожило больше всего: не слезы, не истерика, а ощущение страшной потери. Когда она упомянула о кошмаре, Люк сказал, что это наверняка нервное, из-за переезда, но Лизетта никогда прежде не была такой чувствительной.

«Нет, – возразила она тогда. – Я ведь сама решила, что мы должны переехать. Это меня не пугает». – «Так в чем же дело?» – «Может быть, из-за...»

– Ты что, из-за моих плюшек дара речи лишилась? – поддразнила ее Нелл, складывая посуду на поднос.

– Ох, прости, плюшки изумительные. Спасибо тебе огромное, – ответила Лизетта и поняла, что с Нелл ей неожиданно легко и просто общаться. За разговорами прошел час; Лизетта успела рассказать и о том, как ее завербовали в английскую разведку, и – выборочно – о деятельности во Франции.

– Надо же, какая у тебя жизнь интересная! – заметила Нелл. – А я тут плюшки пеку и варенье варю...

Женщины рассмеялись.

– У тебя здесь хорошо, – сказала Лизетта.

– Здесь раньше Томовы дед с бабкой жили, а потом его родители. Теперь вот я с Томом, третье поколение Марчендов. Дед хмель выращивал, коров разводил. Отец Тома работал на лесопилке, а Том к земле вернулся, картошку сажает, овощи всякие, да только на этом богатства не наживешь... – Нелл вздохнула и посмотрела на Лизетту. – Боюсь, не выдержишь

ты здесь. После Лондона и Парижа Лонсестон – дыра дырой, а в Набоуле вообще глушь. – Она грустно рассмеялась. – Вы совсем спятили, да?

– Люку такая жизнь нравится, – сказала Лизетта. – Ему всю войну этого не доставало, да и после войны тоже. Поэтому мы сюда и перебрались, хотя мне и в Англии хорошо было, у моря, на южном побережье... Ой, это все неважно. Люк здесь будет счастлив, и мы с Гарри тоже.

Нелл мягко сжала ладонь новой подруги.

– Знаешь, женой фермера быть непросто. Ты такая красавица. Не представляю, как ты...

– Ничего, я справлюсь, – перебила ее Лизетта. – Люк в сельском хозяйстве разбирается... и в маяках тоже. У вас здесь поблизости маяка нет? – пошутила она.

– Нет, не обзавелись пока, – рассмеялась Нелл.

– Я ко всему легко привыкаю, а вот Люк... Он снова улыбаться начал здесь, в Австралии. Правильно мы сделали, что сюда переехали. В строительной бригаде его Лягушонком прозвали, – со смешком призналась Лизетта.

– Раз прозвище дали, значит, своим считают, – пояснила Нелл. – А он у тебя мужчина видный, на лягушку не похож. Не то что мой Том.

Они снова расхохотались.

– Неправда, и Том твой хорош, – укоризненно заметила Лизетта.

– Да, я как в четырнадцать лет в него влюбилась, так больше ни на кого и не смотрела, – вздохнула Нелл. – Я тебя понимаю, жена за мужа должна горой. Только вот у жены фермера жизнь тяжелая...

– Люк мечтает снова лаванду выращивать, и я хочу, чтобы его мечты сбылись. Как, по-твоему, нам участок продадут?

– Не беспокойся, Дез продаст, если попросишь. У него дети выросли и в город переехали, на ферме пара коров осталась. Вы очень вовремя покупать решили.

Лизетта не хотела выслушивать рассказы о чужих несчастьях, однако надеялась, что ферма Деза окажется именно тем, что нужно.

На пороге появились Том и Люк с коробкой какой-то хозяйственной утвари.

– Ох, ну и печет сегодня! Душно, хоть бы ветерок поднялся... – Том снял широкополую шляпу, встряхнул светлыми, выжженными солнцем волосами и улыбнулся. – Лизетта, тебе у нас нравится?

Лизетта вздохнула.

– Спасибо вам, – произнес Люк, не обращая внимания на жару. – *C'est très magnifi que*⁷, Нелл.

Хозяйка ахнула и прижала руку к сердцу.

– Том, слышишь? Вот если бы ты так умел! Выучился бы по-французски, читал бы мне какую-нибудь инструкцию по сельхозтехнике, а я бы так и млела...

Все рассмеялись, Люк подмигнул Лизетте, и она забыла о своем тревожном сне. Все стало на свои места.

– Ну что, пойдем, глянем на лаванду? – предложил Том.

– Да, конечно! – откликнулся Люк.

– Лизетта, он без тебя идти отказывается, – с притворным ужасом вздохнул Том. – Собирайтесь, я сейчас «ДеСото» заведу, провезу вас по ферме.

На дворе, в амбаре стоял сверкающий автомобиль.

– Вот, папаша мой выиграл, – заметил Том.

– Как это? – не понял Люк.

⁷ Это великолепно! (фр.)

– В карты, – смущенно признался Том, почесав затылок. – Говорят, проезжал через Хобарт какой-то богачей, а отец в то время в городе работал, уж не помню где. И в один прекрасный день явился на ферму вот на этом чуде. Радости-то было! Папаша у меня рискованный был, а этот тип его подначил, давай, мол, мою американскую машину против твоей фермы. Ну, отец ее и выиграл, и богачу пришлось слово держать, иначе нельзя. Так папаша из Хобарта до Лонсестона два дня на ней ехал, довольный такой... Как только морда от радости не треснула!

Люк ошеломленно покачал головой.

– Она все больше в амбаре стоит, – сказала Нелл. – Куда нам на ней ездить?

– Тридцать восьмого года, четырехдверный седан. И ход как по маслу, – пояснил Том.

– Лиззи, не стесняйся, садись, – предложила Нелл. Лизетта удивленно рассмеялась.

– Привыкай, – заметила Нелл. – Тебя здесь иначе звать никто не будет.

По дороге Люк возбужденно пересказывал жене все, что узнал от Тома.

– Лаванда тут хорошо растет, – восторженно начал он.

– Том, а как же ваша лаванда? – спросила Лизетта. – Ведь если мы начнем лаванду разводить, то станем...

– Ничего страшного, – ответил Том, притормозив: на дороге возникла стайка кенгуру.

Люк и Лизетта смотрели на странных зверей во все глаза.

– Целых пять! – прошептал Люк.

– Не пять, а шесть, – поправила его Нелл. – У третьей самочки в кармане детеныш.

– Ох, Гарри обрадуется, когда увидит! – воскликнула Лизетта.

– Ага, только как они начнут вашу лаванду объедать, радости будет мало, – с улыбкой заметил Том. – Тут без хороших оград не обойтись. А про нашу лаванду не беспокойтесь. Я картошку ращу и коров развожу. Лавандой Нелл занимается, больше для развлечения.

– Ну да, мне нравится, красиво, – кивнула Нелл. – Я из нее туалетную воду делаю и отдушки всякие, отвожу в город, там покупают.

– И потом, зимой здесь у нас ранние заморозки. Вам надо землю посмотреть где-нибудь поближе к Набоуле, у Вудкрофта.

– Говорят, там какой-то фермер Дез свою ферму хочет продать, – шепнула Лизетта мужу.

– Люк мне сказал, что хочет серьезно все обустроить, разводить лаванду в промышленных масштабах, лавандовый экстракт производить, для парфюмерии и все такое, – пояснил Том.

– Надо же! – удивилась Нелл и улыбнулась Лизетте. – Нет, я в этом не разбираюсь. Моя лаванда все больше для души, повод в город съездить, на булавки заработать.

– Нелл, если мои семена примутся, то я попробую скрестить твою лаванду со своей, посмотрим, что получится, – задумчиво заметил Люк.

– А Том тебе еще не предлагал наши лавандовые поля купить?

Лизетта с Люком удивленно уставились на Марчентов и недоуменно переглянулись.

– *Vous plaisantez?* – переспросил Люк.

– Люк не верит, что вы серьезно. Думает, вы шутите, – пояснила Лизетта. – Он от избытка чувств всегда на французский переходит.

Люк, не обращая внимания на слова жены, не отводил глаз от Тома.

– Том, правда, что ли? Ты ни слова не сказал? – спросила Нелл.

– Я же не могу в твоё дело вмешиваться, – ответил ей Том.

– Ты ведь знаешь, нам лаванда ни к чему, если разобраться. А для развлечения хватит и того, что Люк с Лиззи мне продадут по сходной цене. Вдобавок, ты сам сказал, что земля нехороша, – укоризненно сказала Нелл.

– Нет, я сказал, что заморозки ранние. А поля хорошие, лаванда укоренилась. Для начала им будет в самый раз, пока они с Дезом будут договариваться, – пожал плечами Том.

– Вы хотите продать нам ваши лавандовые поля? – недоверчиво уточнил Люк.

– Сейчас покажу, здесь недалеко, – ответил Том. – Очень красивое место. Помнится, я там Нелл в любви признался.

– Не там, а посреди картофельного поля, – рассмеялась Нелл.

Том весело подмигнул Люку.

– Участок на отшибе, наши основные владения в другой стороне, а этот граничит с фермой Деза, так что вам есть резон с ним договориться и присоединить его землю к вашей.

– Там и дом есть? – с замиранием сердца осведомилась Лизетта. Неужели случилось чудо, и им повезло?

– Как же ему не быть, – ответил Том. – Старая лачуга, мои дед с бабкой там жили, когда отец на ферму переселился. И у Деза дом есть. В общем, все зависит от того, сколько земли вы решите купить.

Люк с Лизеттой переглянулись и одновременно кивнули.

– Тогда называйте вашу цену, – сказал Люк Тому. – А лавандой Нелл мы обеспечим бесплатно, по-соседски.

– Эй, мечтатели! – рассудительно вмешалась Нелл. – Вы пока побродите по округе, на холм поднимитесь, осмотритесь. Все, что на востоке, – это Дезовы земли. Съездите к нему, поговорите. Но предупреждаю, жизнь здесь нелегкая. Лиззи, ты подумай над тем, что я тебе сказала.

– В Набоуле земли плодородные, приятель, – встрял Том, не обращая внимания на предупреждения жены. – Самые лучшие на севере Тасмании. Вырастишь здесь свою лаванду, станешь ее французам продавать, вот увидишь.

Том словно подслушал мысли Лизетты, которая уже представляла себе, как Люк начнет производить высококачественный лавандовый экстракт и продавать его французским парфюмерам. Однажды ночью, на корабле, по пути в Коломбо, Люк признался жене в своей мечте:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.